

**МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН**

**САМАРКАНДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ**

ФАКУЛЬТЕТ АНГЛИЙСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

КАФЕДРА .....АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

РАСУЛОВ ФЕРУЗ

**СВЕРХЗФРАЗОВОЕ ЕДИНСТВО В СИНТАКСИСЕ АНГЛИЙСКОГО
ЯЗЫКА**

Научный руководитель:
проф. М.Бакаева

Магистерская диссертация
была обсуждена на кафедре

.....

английского языка и
рекомендована к защите

Протокол № __

“ ___ ” мая 2015 года

Зав.кафедрой:

.....

Самарканд – 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	
ГЛАВА 1. Сверхфразовое единство как лингвистическое явление	
1.1 Общие семантико-синтаксические особенности сверхфразового единства.....	
1.2 Соотношение опорного и зависимого предложений в сверхфразовом единстве.....	
1.3 Коммуникативно-информативный центр сверхфразового единства Выводы по 1-ой главе.....	
ГЛАВА 2. Сверхфразовое единство синтаксический микроконтекст	
2.1 Синтаксические связи в микроконтексте сверхфразового единства	
2.2 Синтаксис сверхфразового единства в аспекте каузальности	
2.3 Трансформационный анализ синтаксиса сверхфразового единства	
2.4 Синтаксический анализ сверхфразового единства методом актуального членения Выводы по 2-ой главе.....	
ГЛАВА 3. Сверхфразовое единство как синтаксический макроконтекст	
3.1 Макроанализ синтаксической конвергенции сверхфразового единства	
3.2 Анализ сверхфразового единства методом синтаксического сцепления	
3.3 Редупликационный анализ сверхфразового единства.	
3.4. Синтактико-текстовой анализ сверхфразового единства Выводы по 3-ой главе	
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	
Список использованной литературы	

Введение

Президент Республики Узбекистан Ислам Абдуганиевич Каримов при определении фундаментальных основ национальной модели общественного развития глубоко заметил, что «только та страна, та нация может добиться великого будущего, процветания и благополучия, которая сумеет подготовить знающих, профессионально грамотных и энергичных личностей, настоящих патриотов своей страны, обогатить их огромным духовным наследием великой национальной культуры, приобщить к сокровищницам мировой культуры и науки» (И. А. Каримов, 1995, с. 27).

На этом концептуальном положении и была построена вся Национальная программа по подготовке кадров, где излагается стратегия страны на воспитание нового поколения кадров «с высокой общей и профессиональной культурой, творческой и социальной активностью, умением самостоятельно решать задачи на перспективу» (1997, с.35).

Именно от быстрейшего претворения в жизнь столь масштабных проблем общегосударственной значимости зависит во многом поступательная динамика интеграции Республики Узбекистан в мировое сообщество.

В своём докладе «Узбекистан, устремлённый в XXI век» на XIV сессии Олий Мажлиса Республики Узбекистан первого созыва (14 апреля 1999 г.) Ислам Абдуганиевич Каримов опять обращается к Национальной программе по подготовке кадров. При этом он особенно выделяет такой тезис: «Без её решения практически нельзя видеть свою перспективу. Реализация национальной программы без преувеличения должна стать основой для достижения нашей стратегической цели – формирование процветающего, сильного демократического государства, гражданского общества» (И.Каримов, 1999, с. 2).

Исходя из вышесказанного, очевидна всё возрастающая роль науки в ускоренном осуществлении Национальной программы по подготовке кадров. Так, перед педагогико-филологическим циклом наук стоят задачи по интенсификации разработки основ лингвофилософии, новой дидактики,

словарного дела, теории текста, переводоведения и т.д., исходя из системно-уровневой организации языка. В связи с этим, Президент Республики Узбекистан И.А. Каримов поставил на девятой сессии Олий Мажлиса Республики Узбекистан (29 августа 1997 г.) такую исключительно важную проблему: «Нам надо быстрее подготовить методику по ускоренному изучению иностранных языков, основанную на национальных особенностях» (И.А. Каримов, 1998, с. 312). Для комплексного же разрешения подобной крупной проблемы необходимо активизировать и исследовательскую деятельность во многих областях филологии и педагогики. Здесь видное место отводится общему, сравнительно-историческому, типологическому, сопоставительному прикладному языкознанию, которое несёт ответственность за состояние такой общественно и научно значимой области знания, как текстология, словарное дело, лингвистические уровни, методика преподавания языка и т.д.

Для языкознания (общего, сравнительно-типологического, германского и др.) последнего времени характерно быстрое развитие лингвистики текста и словаря, в результате чего «внутрилингвистическая типология текста» получает всё более результативную изученность наряду с развитием такого теоретического направления, как системно-уровневый анализ языка.

Актуальность проблемы. В современной общей и германской лингвистике ещё мало разработана проблема анализа синтаксических единиц, которые в структурном отношении выходят за рамки предложения, в текстопорождение. В эту проблему входят такие вопросы, как выделение вышеназванных синтаксических единиц, определение их границ, выявление их функционирования. Особенно важными в данной проблеме являются вопросы связи, понимаемые в настоящей работе в самом широком смысле.

В имеющихся исследованиях лингвисты, как правило, либо рассматривают отдельные типы или виды связей между предложениями, не соотнося это с проблемой сверхфразовых [сложных синтаксических] единств (СФЕ) [K.Bach, R.M. Harnish, 2004, с. 224-225; В. Butterworth, 2007, с. 288-289), либо, определяя внутреннее содержание сверхфразовых [сложных

синтаксических] единств и характеризуя единство как функционально-речевую единицу, пытаются установить граница единств, не давая содержательный анализ типов связи между предложениями, составляющими подобное единство (E. Bates, 2006, с. 302-303; W. Croft, 2003, с. 121-122; W. Edmondson, 2005, с. 104)

А между тем здесь важно рассмотреть ряд вопросов, которые касаются внутренней структуры и содержания сверхфразовых [сложных синтаксических] единств. При этом особое внимание заслуживают проблемы связей между предложениями в СФЕ, оказывающие непосредственное влияние на характеристику подобного семантико-синтаксического и прагматического единства.

В работе исследуются типы СФЕ и их структура в простых и сложных предложениях [микрконтекст], но в отдельных случаях, где это представляется интересным, для иллюстрации приводятся и группы предложений другой структурно-функциональной разновидности, в составе макрконтекста.

Работа руководствуется положением, что анализ структурных типов вне связи и вне учёта значений, передаваемых этими структурами, не может обеспечить полноты исследования языка. Поэтому за основу противопоставления предложений берётся и имеющееся между ними сходство по содержанию в составе СФЕ.

Степень изученности проблемы. При всем разнообразии тематики исследований, относящихся к лингвистике текста, ещё мало работ, в которых прослеживается как распределяются синтактико-текстовые элементы относительно друг-друга в структуре художественного произведения и какие лингвистические средства выявляют смысловые связи между ними. Между тем важность такого исследования как в теоретическом, так и практическом плане не вызывает сомнения (5, с. 110).

Определённое членение текста на сверхфразовые единства, их последовательное расположение выявляет отношение автора к содержанию сообщения. Таким образом, исследование взаиморасположения отрезков

высказывания разной информативной насыщенности важно для выяснения идейного и художественного замысла произведения, который, в свою очередь, наряду с другими характеристиками определяет художественное значение текста.

Проблема сложно синтаксического единства (сверхфразового единства) традиционно освещается в современном языкознании.

Во многих работах по синтаксису ставится вопрос о том, что существует синтаксические единицы, не равнозначные простому или сложному предложению. Их называют по-разному: сложно синтаксическое целое или сложное синтаксическое единство, прозаическая строфа, сверхфразовое единство. На необходимость изучения подобного рода конструкций указывают некоторые исследователи [9, с. 114].

Если суммировать всевозможные, порой разноречивые, определения сверхфразового единства или сложного синтаксического целого, можно сказать следующее:

Сверхфразовое единство (сложное синтаксическое целое или единство) логико-синтаксическая единица речи, состоящая из двух или более последовательных компонентов, связанных между собой формально – грамматически, лексически или семантически. При этом точный, узко контекстуальный смысл каждого компонента высказывания, как правило, может быть выведен из смысла всего высказывания.

Сверхфразовое единство (сложное синтаксическое целое или единство) обладает замкнутой синтаксической структурой и выражает законченную мысль.

Формальным показателем деления на компоненты служит точка, гораздо реже – точка с запятой и, в очень редких случаях, запятая.

Особенность сверхфразового единства (сложного синтаксического целого или единства) заключается в том, что оно может либо сужать, либо расширять традиционные рамки предложения. Поэтому очень важно выявить

основные особенности сверхфразовых единств (сложных синтаксических целых или единств) в их сходстве и отличии от традиционного предложения.

Основные отличия сложного синтаксического целого (единства) от сложного предложения видятся прерывистом характере синтаксических связей между предложениями, входящими в его состав. Для сложного синтаксического целого (или единства) характерны присоединительные бессоюзные связи. При этом так называемые сочинительные союзы в составе сложного синтаксического целого часто получают присоединительное значение. Это совершенно справедливо, но такое определение представляется неполным [38, с. 128].

При исследовании сверхфразового единства (сложного синтаксического целого или единства) следует, прежде всего, исходить из анализа его структуры и связей между его компонентами.

Средства связи делятся на:

1) структурно-грамматические (эксплицитные) - союзы и другие синтаксические скрепы, порядок слов, характер артикля перед существительным во втором компоненте, соотношение времен и наклонений, синтаксический параллелизм в строении компонентов;

2) логико-семантические (имплицитные).

Кроме того, связи могут быть лексическими (например, повтор одного из членов первого компонента во втором, замена его через местоимение или синоним, всевозможного рода репризы, синтактико – клишированная конструкция).

Одним из характерных типов сверхфразового единства (сложного синтаксического целого или единства) являются конструкции, которые соотносятся по своей структуре со сложноподчинённым или сложноподчинённым предложением.

Второй компонент, вводимый подчинительным или сочинительным союзом, выступает в виде присоединительной конструкции, т.е. стоит после точки.

На частую постановку придаточного предложения между двумя точками указывается в литературе [85, с. 67]. Считается, что это явление затрагивает традиционное понятие логической организации фразы.

Р.М.Базилева также говорит о распространенном в современном языке явлении [8, с.12], когда придаточное предложение помещается между точками. М.Я.Блох считает [10, с. 281], что сочинение и подчинение могут сравнительно легко переходить одно в другое. Он высказывает предположение, что любой подчинительный союз может превращаться в сочинительный с помощью предшествующей паузы, которая в письменной речи обозначена запятой или точкой. При этом У. Крофт смешивает два понятия – сочинение и присоединение.

Интересны замечания В.В. Богданова [11, с.202] по поводу роли паузы перед союзом или союзным словом, начинающим новое предложение.

Тем не менее, проблема сверхфразового единства (сложного синтаксического единства) всё еще далека до своего достаточно полного освещения [9, с.332].

Теоретическая значимость предпринятого в настоящей магистерской диссертации исследования заключается в определении роли семантико – функциональных и синтаксических отношений в становлении и развитии СФЕ как цельное по смыслу и структуре текстовых фрагментов различной компонентной протяжённости, а также в выявлении сущностных проявлений при этом парадигматических и синтаксических факторов в деривации активных типов СФЕ микро – и макро разновидностей в современном английском языке.

Теоретическое значение работы состоит и в синтактико-системном описании структуры СФЕ в аспекте коммуникативной лингвистики с ориентацией на системообразующие и системоприобретённые признаки. Тем самым доказывается необходимость исходить при анализе СФЕ из возможной деривационно-функциональной перспективы предложений – фрагментов СФЕ, выделения в СФЕ смысловых единиц в виде тематических и рематических сегментов, определения направления функциональной перспективы СФЕ по

ярусам актуального членения, учёта автосемантической / синематичности СФЕ при текстопорождении любой степени сложности, актуализации показательных для СФЕ функциональных полей (ср. временная и пространственная доминанта) и др.

Определённое значение результаты исследования имеют для теоретической грамматики: роль текстопорождения в эволюции синтаксиса, функциональная модель предложения в СФЕ микро – и макро контекста, система грамматических значений предложения в СФЕ и механизмы их изменчивости, функциональный синтаксис, грамматическое обеспечение речевых актов в высказывании, парадигматика и синтагматика СФЕ.

Рабочая гипотеза. При определении сущности семантико-функциональных отношений в сверхфразовом [сложном синтаксическом] единстве [СФЕ] следует исходить из концепции аналогии СФЕ и сложного предложения, ибо отношения, возникающие между самостоятельными предложениями в СФЕ, могут быть подобны или близки тем, которые отмечаются в сложном предложении. При этом в СФЕ обнаружимы и релевантные логико-синтаксические отношения, характерные для синтаксиса сложного предложения. Подобный подход к изучению СФЕ, основанный на поиске аналогии, позволяет экстраполировать информацию о сложном предложении на изучение одной из фундаментальных проблем современной лингвистики – проблемы СФЕ и текста.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

1. Комплексный анализ семантико-функциональных отношений в сложных синтаксических единствах английского языка в сравнении их микро - и макроконтекстных реализаций предпринимается впервые. В англистике нет крупных теоретических работ, посвящённых проблеме деривационной специфики сверхфразовых (сложных синтаксических) единств.

2. Привлечение контекста к анализу смысловых отношений в СФЕ открывает новую перспективу в их исследовании, так как позволяет

дифференцировать предложения с точки зрения их контекстологической обусловленности.

3. Анализ широкого контекста СФЕ, вычленение из него необходимых смысловых звеньев способствуют восстановлению логической взаимозависимости явлений, если последняя не находит своего отражения в синтаксической структуре предложений – составных частей СФЕ.

4. Разработанная классификация СФЕ с опорным сложноподчинённым предложением будет способствовать в дальнейшем более релевантному описанию связей между придаточными предложениями разных типов и углублению информации о системе семантико-функциональных отношений в деривационно активном синтаксисе СФЕ и текста в целом.

5. Впервые было доказано, что стимулированию семантико-функциональных отношений и семантико-функциональной деривации СФЕ в микро и макроконтексте способствуют активные тенденции синтагматического сближения опорных предложений и их рядов.

6. Впервые выделены дифференциальные признаки СФЕ, от которых зависит устойчивость семантико-функциональных отношений и их предрасположенность к версификации в соответствии с современными синтаксическими нормами английского языка.

Объект исследования: СФЕ в ракурсе оппозиционно-дистрибутивного анализа сложного предложения в микроконтексте (ограниченном одним предложением) и в макроконтексте (в том или ином сверхпредложенческом объеме с общим смысловым целым), т.е. СФЕ анализируются как единицы связного текста через установление характера семантико-функциональных и синтаксических отношений между составляющими их предложениями, которые определяют степень текстовой спаянности [сцепления] таких единиц.

Предметом исследования являются синтаксические и семантико-функциональные отношения как средство внутритекстовой организации в рамках целостного по смыслу СФЕ.

Материал исследования: художественные тексты [I. Aldridje; II. Ch. Bronte; III. A. Christie; IV. Ch. Dickens; V. W.S. Mangham].

Целью настоящей работы является синхронный многоаспектный анализ синтаксических и семантико-функциональных отношений в микро и макроконтексте СФЕ современного английского языка в такой последовательности рассматриваемой проблематики: текст как коммуникативная единица с имплицитно ей присущей прагматической информацией, функциональная перспектива предложения в высказывании (начиная с усложнения одного предложения), соотношение структуры текста с его коммуникативным назначением, систематизация семантико-функциональных и синтаксических отношений и средств их выражения, актуализация внутри высказывания градуального возрастания или убывания смыслового качества, механизм подчинительных связей в наиболее типичных СФЕ [преимущественно гипотактической структуры с опорой на деривационную версификацию определительных и каузально маркированных придаточных частей], автосемантия и синсемантия СФЕ с последующим контекстным восполнением исходной семантики, инвариантная грамматическая форма СФЕ в контексте различных временных планов, семантическая редупликация СФЕ при синтагматической смежности составных предложений, отношения между семантически однородными членами СФЕ (свёртывание, развёртывание и эквивалентность), взаимообусловленность сцепления составных предложений СФЕ и его структурной симметричности, синтаксические конвергенции СФЕ с элементами различного семантического плана (от синонимических до несовместимых по смыслу), фактор частотности употребления [распространённости] различных СФЕ, соотношение коннектора и семантики антецедента в формировании структуры СФЕ, внутриконтекстное усложнение СФЕ, особенности организации СФЕ в абзацном объёме.

Целью работы является также уточнение сущности дивергентных процессов в формировании СФЕ на различных уровнях текстового усложнения.

Задачи исследования:

1. Уточнение понятия СФЕ.
2. Определение специфики организации семантико-функциональных отношений в СФЕ (от микроконтекста до макроконтекста).
3. Раскрытие закономерностей формирования структуры СФЕ в зависимости от действующей синтаксической нормы языка и репрезентируемой в СФЕ семантики.
4. Выделение и описание импликационного ядра в организации деривационно активных семантико-функциональных отношений в СФЕ.
5. Систематизация релевантных семантико-грамматических и структурных признаков, показательных типов СФЕ [от одного сложного предложения до ряда предложений и формирование целого абзаца].
6. Описание условий, которые определяют семантико-функциональные отношения в СФЕ на парадигматическом и синтагматическом уровнях.
7. Изучение в СФЕ семантики основных составных грамматических форм для установления инвариантных значений, способствующих становлению СФЕ.
8. Изучение принципов регулирования процессов синтагматического сближения формирований СФЕ микро- и макротекстов.

Кроме того, следует отметить ещё и такие достаточно конкретные задачи настоящей магистерской работы:

1. определение внутреннего содержания СФЕ как единицы связного текста;
2. анализ его структуры и характера отношений между составляющими СФЕ частями;
3. рассмотрение средств выражения этих отношений;
4. квалификация типов СФЕ в зависимости от структурной характеристики единства и степени спаянности его частей;
5. предпринята попытка определения границ СФЕ, исходя из степени структурно-семантической и семантико-функциональной завершённости единства.

Методологическая и теоретическая база исследования. Магистерская диссертация базируется на Законе о Государственном языке Республики Узбекистан, на фундаментальных трудах Президента Республики Узбекистан И.А. Каримова о философии, социологии, культуре и духовности с учётом постановлений Правительства Республики Узбекистан о развитии языка, образования и науки, положений Национальной программы по подготовке кадров в Республике Узбекистан.

Теоретической базой настоящего исследования послужили труды лингвистов по проблемам языковой коммуникации, системно-уровневой организации языка, текстопорождения, грамматической деривации, общему и прикладному языкознанию [М.Я.Блох, В.Г.Гак, М.М. Гухман, Б.А.Ильиш, С.Д. Кацнельсон, В.Матезиус, А.И.Смирницкий, В.Н.Ярцева W.I.Chafe, V.Comrie, M.Halliday и др.].

Методы исследования. В работе используются следующие методы исследования: дистрибутивный метод [при определении принципов регулирования процессов синтагматического сближения форм предложений в микро и макроконтексте СФЕ], оппозитивный метод [при изучении парадигматической организации семантико-функциональных отношений в СФЕ и его составных фрагментов], метод лексической тематической сетки [для раскрытия имплицитных синтаксических и семантико-функциональных связей в СФЕ], а также методы моделирования, компонентного и контекстологического анализа.

Основные положения магистерской диссертации, выносимые на защиту.

1. Любой связанный [т.е. представляющий смысловое единство] текст строго структурирован и что его структура имплицитно (объясняет) семантику и имплицитно (объясняется) семантикой. Там, где предполагалась случайность, зависимость от ситуации, требований момента и других внеязыковых факторов, возможно обнаружение последовательной системы.

Наличие системы обуславливает глобальный подход к анализу текста: каждый элемент на каждом ярусе признаётся существенным, значимым в балансе средств, обеспечивающих внутреннее единство и связанность текста, его свойство быть текстом, а не механическим собранием разнородных языковых единиц.

2. Система языка включает в себе подсистемы, т.е. выступает как система систем. В процессе функционирования раскрываются внешние связи системы языка, без знания которых её понимание не может быть полным. Для понимания же системы и ее подсистем важно определить те отношения, которые связывают между собой элементы и превращают отдельные сущности в целостную систему.

3. СФЕ есть релевантный показатель семантико-функциональной цельности и структурной сформированности построения художественного текста.

4. СФЕ – образование промежуточного уровня: «снизу» СФЕ отграничивается от отдельного предложения и «сверху» - от предложений контекстного продолжения [т.е. набора предложений уже иного семантико-функционального назначения].

5. Разбиение текста на СФЕ обусловлено самим процессом создания текста, являющегося отражением развития мысли. СФЕ могут рассматриваться как корреляторы смысловых частей текста, то есть подтем, входящих в основную тему. СФЕ первого уровня можно считать коррелятами минимальных тем (тем первого порядка или микротем), а СФЕ более высоких уровней – соответственно коррелятами тем второго порядка и т.д. (их можно называть другими терминами – супертемами и др.). СФЕ всех уровней образуют иерархическую структуру.

6. Сцепление контекста СФЕ – это отношение между его элементами на синтагматической и парадигматической оси. Структура сцепления в СФЕ представляет собой такую структуру, в которой семантически эквивалентные

формы находятся в эквивалентных позициях, так что эти формы образуют особые типы парадигм, или классов.

7. СФЕ – это единица не только лингвистического, но и логического плана. Оно в большинстве случаев исчерпывает какой-либо момент в повествовании или мысли и с этой точки зрения представляет собой смысловую единицу, характеризующуюся единством содержания. Поэтому основная цель исследования СФЕ – описание способов передачи смысла от предложения к предложению.

Практическая ценность исследования. Результаты исследования дадут возможность пополнить теорию коммуникативного и текстового синтаксиса информацией об общих процессах протекания англоязычного высказывания, о функционировании тех или иных типов актуального членения высказывания в художественных текстах с речевой маркированностью, а также теорию лингвистики текста сведениями о своеобразии коммуникативных структур контекста с различными вводными [обособленными] образованиями. Полученные данные могут быть применены к лингвистическому анализу художественных текстов. Выводы имеют практическое значение для преподавания курсов синтаксиса, стилистики и разговорной практики английского языка.

Апробация работы. Основные положения магистерской диссертации изложены в 2 статьях, а также в двух прочитанных докладах.

Структура работы состоит из Введения, 3-х глав, Заключения и Списка использованных источников

Глава 1

Сверхфразовое единство как лингвистическое явление

1.1. Общие семантико-синтаксические особенности сверхфразового единства

При рассмотрении сущности любых языковых явлений, включая и СФЕ, целесообразным представляется разграничение автосемантии (т.е. их самодостаточности) и синсемантии (т.е. их семантической недостаточности) с последующей контекстуальной конкретизацией [9, с. 110].

Рассмотрим следующий текстовый фрагмент с точки зрения реализации в СФЕ автосемантичности / синсемантичности:

Well, Fanny had lived, she had married a distinguished man, she had borne children, she had loved her husband, and her children, and her grandchildren and her cats and dogs. She had been, he supposed, happy. She had not been altogether cheated. Hugh recalled the lust funeral he had attended, when his eldest grandson Steve, Randall's boy, had died of polio, Hugh had felt a frenzy of anger and misery which was quite unlike the resigned grief of today. Steve's death had been something gratuitous and wicked, and Hugh had raved at the universe in vain to find place to pin that wickedness down.

Nothing had been right since Steve died, Randall had been reeling drunk at the funeral and sorid later that Ann "had never forgiven him". It was rather perhaps that he had never forgiven Ann upon whom by some insane and fantastic logic he had seemed to fix the blame of his bereavement. Drunk he had been at the funeral and drunk he had been with increasing frequency ever since [V, p.114].

Первое предложение абзаца "Fanny had lived, she had married a distinguished man..." выделяется максимально выраженной автосемантичностью, ибо оно внутренне закончено без привлечения широкого контекста. Его приметы – однозначное лексическое выражение понятий и образов.

Примыкающее далее предложение: "She had been, he supposed, happy" уже явна в меньшей мере автосемантично. Местоименная связь и единство

времен являются показателями его спаянности с предыдущим предложением. В это единое повествование подключается и третье предложение: “She had not been altogether cheated”, а затем и четвертое: “Hugh recalled” которое вновь максимально автосеманлично. Это предложение вводит новую серию образов.

Ситуационно оно лишь относительно самостоятельно благодаря известной логической и ассоциативной связи с предшествующим контекстом. Его связывают с ним отношения обоснования [«Фанни прожила долгую и, как предполагал Гуго, счастливую жизнь в отличие от их внука Стива, жизнь которого трагически оборвалась в самом начале. На похоронах жены Гуго вспоминает о другой тяжелой утрате – о потере горячо любимого внука. Образ других похорон и всего, что с ними связано, преследует его»]. Помимо ситуационной синсемантики здесь нет каких-либо очевидных синсемантических единиц.

Следующие предложения (второй абзац) также характеризующая максимальной автосеманчностью, определением понятий и образов преимущественно внутри самого предложения.

Однако и здесь можно констатировать различие контекстуально обусловленных синсемантических единиц.

Это предикативное сочетание “the resigned grief of today” в придаточном определительном, выполняющее коррелятивную связь и указывающее на взаимопереплетённость предложений. Связь между предложениями обусловлена тем, что они входят в СФЕ, единое повествование. Тем не менее, каждое предложение в абзаце создает серию однозначных художественных образов.

Рассматривая эксплицитность / имплицитность СФЕ как еще один контекст абзаца констатируем, что повествование передается, прежде всего, эксплицитностью выражения временных отношений.

Конкретно же, по своей стилистической функции функциональное микрополе с ядром в форме прошедшего перфектного повествовательного

сближаются с функциональным микрополем с ядром в форме прошедшего индефинитного повествовательного.

Однако между ними сохраняется различие, обусловленного различием в инвариантном значении грамматических форм, которые служат ядром поля. Инвариантное значения это набор средств доминирующего поля.

Инвариантное значение – это набор средств доминирующего поля.

Для формы прошедшего индефинитного существенным в ССЕ является доминирующий признак прошедшего, для формы прошедшего перфектного - признаки прошедшего и переходности, что и предполагает различие в стилистической функции.

В обоих случаях происходит движение повествования, передача следующих друг за другом или перемещающихся действий с одним принципиальным различием – функциональное микрополе прошедшего перфектного повествовательного создаёт дополнительный временной план, ориентированный на время, предшествующее тому, в котором происходят основные события.

Текстовая структура СФЕ строится так, чтобы поддержать основную семантику опорной грамматической формы. Повествование вводит в мир воспоминаний о событиях, происшедших ранее. На это указывают и лексические элементы текстовой структуры – глагол “recall” и синтаксическое строение предложений в сочетании с лексическим оформлением: “Nothing had been right since Steve died”.

В анализируемом СФЕ повествование ведется только в форме прошедшего перфектного. Повторное употребление в аналогичной синтаксической позиции (Fanny had lived, she had married a distinguished man, she had borne children) создаёт определённую структуру.

Занимая в СФЕ одинаковую синтаксическую позицию, одинаковые элементы (в нашем случае ПП) функционально одинаковы. Между ними устанавливаются отношения параллелизма.

Этот параллелизм (симметрия грамматических значений) становится здесь своего рода художественным приёмом при построении СФЕ.

Приведём еще один типичным случай СФЕ с функциональным микрополем прошедшего перфектного повествовательного: “He began to tell me a long anecdote about something which had occurred two years before in the port we were coming to. At one in the morning there had been the sound of shots and appeared at the gangway; they wanted to search his ship. Naturally he had refused permission. This was sovereign territory of the Royal Netherlands Steamship Company. There had been a lot of argument. He had complete belief in his night watchman-wrongly as it turned out, for the man had been asleep at his post. Then on his way to speak to the officer of the watch the captain had noticed trail of blood sports. It led him to one the boats and there he had discovered the fugitive” [I, p. 129].

В этом СФЕ формы прошедшего перфектного перемежаются с формой прошедшего индефинитного. Параллельное употребление этих форм в СФЕ обнажает их сходство. Прошедшее перфектное, сохраняя доминирующие признаки прошедшего и перфектности, обладает иррадирующим эффектом [6, с. 12], проецируя в СФЕ это значение и на прошедшее индефинитное. Ср. контекстный фрагмент: “... they wanted to search the ship”. Другие случаи объяснения употребления в СФЕ прошедшего индефинитного следует искать в текстовой части: «This was sovereign territory... of the Royal Netherlands Steamship Company» которую можно толковать как несобственную прямую речь.

Выделим также тип СФЕ, построенного на актуализации функционального поля прошедшего перфектного завершающего (суммирующего) свойства:

Through the glass half of the kitchen door they watched there child putting up the tent in the garden. It was already fixed on two polls, a bright blue, flaring back and forth like a flag. The father had done that bit and now the child was putting the pegs in and giving instructions to George [I, p. 178];

“I squeezed out some raw seine on a plant and drew the rings on them. I’ve got a piece of canvas, “said Barbon. “You there still”. And there he was inside the door. He’d just walked in [II, p. 172];

“Ring the bell again”, Jones said, “there’s a good chap”. I had already graduated into the position of the old friend and although Mr. Smith was nearer the bell. I crossed the saloon to touch it [IV, p. 162].

Стилистическая функция прошедшего перфектного данного типа СФЕ заключается в завершении композиционного единства, в суммировании того, о чём говорилось ранее. В случае где, форма прошедшего перфектного употреблена в главном предложении сложноподчиненного комплекса, придаточное предложение служит отправной точкой для дальнейшего развития повествования, в объёме рассматриваемого типа. Нередко оно служит началом нового эпизода (первой и третий) текстовые фрагменты с СФЕ.

Функция завершения, суммирования определённого композиционного единства передаётся обычно в СФЕ данного типа не только ядром микрополя, но и другими его составными элементами.

Так, сочетание “that bit” (первое из приведённых СФЕ) указывает на действия, описанные выше. Рематический элемент (the father) также конкретизирует лицо, выполняющее описанные в СФЕ действия. Переключение на новое композиционное единство осуществляется при помощи наречия “now”. В сочетании с Past Continuous оно создаёт эффект известной экранизации действия [12].

Во втором СФЕ обращает на себя внимание наречие “just”, уточняющее соотношение между описываемыми действиями.

Функциональное микрополе с прошедшим перфектным суммирующего характера отличается определённым стилистическим свойством употребления формы прошедшего перфектного. Это - главная часть сложноподчинённого предложения или же простое предложение.

Рассмотрим анализируемые СФЕ с целью определения их одновершинности / двухвершинности.

Обратимся к первому из приведённых СФЕ. Ситуация - основа (вершина А) может быть прослежена во втором предложении - *It was already fixed on two polls...* Вершина Б - *The father had done that bit* - следует непосредственно за вершиной А. Наблюдается контактность двух вершин, что является одним из показателей у СФЕ функционального микрополя с прошедшим перфектным суммирующего характера. Вершина Б в той или иной форме возвращается к ситуации, зафиксированной в вершине А, содержит в СФЕ определённый повтор. Однако сюжетное пространство между ними отсутствует.

Аналогичная картина наблюдается в следующем СФЕ. Ситуация - основа выражена в предложениях - *You there still. And there he was inside the door.* Вершина Б в предложении, завершающем абзац.

Во многих случаях, однако, ситуацию - основу следует отнести не к какому-либо определённому предложению, а к более широкому контексту, предшествующему в СФЕ форме прошедшего перфектного.

В повествование, основанном в СФЕ на прошедших индефинитных формах, включается прошедшее перфектное. Оппозиция этих форм особенно чётко выступает в СФЕ при их соположении в одном цельном отрезке повествования.

В первом из анализируемых СФЕ оппозиция по грамматическому признаку уменьшается. Временная ориентация действий, выраженных в двух смежных предложениях: «*It was already fixed on two polls...*» и «*The father had done that bit...*» - одинаковая. Тем сильнее ощущается в СФЕ оппозиция в стилистической организации высказывания, в том, что прошедшее перфектное стилизует действительность явно иначе, чем прошедшее перфектное. В форме прошедшего перфектного выявляется в СФЕ сема законченности действия, которая и способствует передаче завершённости определённого смысла СФЕ.

Предложения, содержащие прошедшее перфектное суммирующее, характеризуются синсемантичностью. В первом СФЕ синсемантичной единицей является сочетание “that bit” имеющее коррелятивную функцию и связывающее это предложение с предшествующим повествованием.

Во втором и в третьем СФЕ синсемантичность создается, прежде всего, за счёт личных местоимений “he” и “I”, представляющих образец ситуационной синсемантики. Их значение раскрывается только в широком контексте, который может включать в себя единицы различных рангов - абзацы, главы, целое, произведение.

Значение местоимения “he” (второе СФЕ) раскрывается двумя предложениями выше (Said Barbon), “I” (третье СФЕ) - рассказчик, личность которого объединяет всё произведение.

Итак, стилистика - композиционная функция СФЕ с прошедшим перфектным - завершение композиционной цельности. Это значение выражается эксплицитно в форме прошедшего перфектного, в которой в этих СФЕ реализуются семы временной отнесённости и сема законченности.

Временная отнесенность действия, выраженного в предложении «It was already fixed on two polls», та же, что и в предложении «The father had done that bit». Однако в первом СФЕ это значение эксплицитно не выражено. Прошедшее перфектное, как слабый член оппозиции по дополнительному признаку перфектности (временной отнесенности), обладая широкой семантикой, оказывается способным передавать и значение сильного члена. Соположение этих форм способствует выделению в них некоего общего семантического элемента (архисемы), который в одном СФЕ выражается при помощи формальных показателей форма прошедшего перфектного, в другом просто имплицитруется.

Второе и третье СФЕ повторяют в общих чертах схему, намеченную первым СФЕ.

Обратимся к анализу СФЕ функционального микрополя с прошедшим перфектным изобразительным: No one in the bar but Coker. “Is it Willy again?”

“I asked her – Coker drew me a can and waited till I had paid for it.” My last bob. [III, p. 147].

I have dismissed him.

You have dismissed him?

Why not?

There is no reason why not. But I have felt inclined to dismiss him for the past ten years and never found courage to do it.

It was a perfectly simple proceeding, I assure you. Before I had done with him, I rather liked the fellow [II, p. 145].

Временные связи последовательность действий в приведённом СФЕ смещаются. Повествование задерживается, как бы останавливается в своём развитии.

Действие, переданное прошедшим перфектным, снимается намеренно крупным планом, создавая эффект экранизации повествования. Именно это и является здесь главенствующим в СФЕ, а не установление временных, причинно-следственных и прочих ассоциаций.

Синтаксический режим употребления в СФЕ прошедшего перфектного в изобразительно-стилистической функции строгий. Это – временное придаточное предложение при главном предложении СФЕ со сказуемым в форме СФЕ прошедшего индефинитного.

Контекст, содержащее прошедшее перфектное в изобразительно-стилистической функции может быть как одновершинен СФЕ 1), так и двухвершинен СФЕ 2).

Одновершинность первого СФЕ едва ли требует объяснения. Движение Кокер, протягивающей Джимсону пиво и ожидавшей, пока он уплатит за него, не находит опоры (первичной ситуации) в предыдущем контексте.

Глубинные связи внутри структуры контекста во втором СФЕ иные, ситуация – основа легко прослеживается в пределах всего СФЕ.

Вершина А - это констатация того, что хозяин отеля уволил одного из своих служащих.

Вершиной Б будет предложение с формой прошедшего перфектного («Before I had done with him I rather liked the fellow»). Вершина Б отделена от вершины А определённым сюжетным пространством.

Обе вершины материализованы в текстовой структуре и способствуют развитию в СФЕ определенного сюжетного мотива.

В отличие от СФЕ функциональных микрополей прошедшего перфектного ретроспективного, повествовательного, суммирующего функциональное микрополе прошедшего перфектного изобразительного не объединяет различные временные пласты повествования, т.е. не имеет какой-либо композиционной нагрузки. Эту функцию отличает от перечисленных выше и механизм создания стилистического эффекта. В трёх первых СФЕ их стилистическое значение полностью совмещалось с доминирующим грамматическим значением формы прошедшего перфектного признакам перфектности, который рассматривается как выражение временной отнесённости [дополнительной ориентации во времени].

В анализируемом СФЕ создаётся своеобразная коллизия между контекстуальным значением формы и её парадигматическим аналогом. Прошедшее перфектное СФЕ, где реализуется изобразительно-стилистическая функция, не выражает семантики предшествования. Эта функция здесь переходит к форме прошедшего индефинитного.

Оппозиция при этом между прошедшим перфектным и перфектным индефинитным нейтрализуется. Результатом стирания противопоставления по грамматическому признаку является актуализация стилистического значения изобразительности.

Анализ по дифференциальному признаку автосемантической / синсемантической здесь значительно упрощён в связи с синтаксической позицией формы.

Употребление в зависимой части сложноподчиненного комплекса, а не в самостоятельных синтаксических единицах, свидетельствует о ярко

выраженной синсемантики микроконтекста (предложения СФЕ, в котором употреблено прошедшее перфектное).

Это можно проследить на анализе вышеотмеченных СФЕ.

В первом СФЕ контекстуально обусловленная синсемантическая единица – предложная группа “for it”, раскрывающаяся в предыдущем контексте.

Во втором СФЕ также контекстуально обусловленная синсемантическая предложная группа “with him”. Её поясняет как предыдущий, так и последующий контекст. Функцию этой группы можно определить как коррелятивную.

Синсеманτικότητα контекста создается также за счёт местоимения “I” [13, с. 69].

Категория временной отнесенности английского глагола имеет, как видно, большое значение для построения СФЕ и формирования текста, способствуя его связности через посредство маркированной перфектной формы.

Из различных сем инвариантного значения перфектной формы [связанности, предшествования, соотнесённости действия] ведущую роль в текстообразовании играет сема связанности действия с определенным моментом или действием. Эта сема обеспечивает связность не только в СФЕ, но и в пределах целого развёрнутого текста.

Так, данная сема связывает предложения в СФЕ: “Demoyte had not been easy to live with and he had not been easy to get rid of. He had persuaded the Governors to extend his tenure of power for five years beyond the statutory retiring age-and when that time was up he had only been induced to retire after a storm during which the school visitor had ha to be called in to arbitrate”. Ever since Mor had come to school some ten years ago he had been Demoyte’s lieutenant and right-hand man, the intermediary between the Head and the staff, first inofficially, and later more officially, in the capacity of second Master...” [V, p. 139].

Здесь сема связанности действия с определённым моментом объединяет несколько СФЕ, начинающихся предложением - “Demoyte had not been easy to live with and he had not been easy to get rid of”.

1.2. Соотношение опорного и зависимого предложений в сверхфразовом единстве

В пределах общего текста возможно формирования, так называемого сверхфразового или сложного синтаксического единства [СФЕ], устанавливаемого между несколькими последовательно расположенными предложениями на основе определенных структурно-смысловых связей [14, с. 304].

Так, в современном английском языке регулярно отмечается такой тип СФЕ: одно или несколько полносоставных предложений в сочетании с одним или несколькими неполносоставными предложениями [где знаменательная часть сказуемого выражена имплицитно].

Сравним следующие показательные образцы СФЕ:

1. I was sure he would never raise the subject. And he never did [I, с. 116].
2. I couldn't resist asking if they had read. There Stories and Ten Poems. They had [Там же, р. 22].
3. They obviously expected him to express his relief, his gratitude. But he could not [III, р. 253].

Приведённые СФЕ отличаются однотипностью структурных отношений между опорным полным предложением и зависимым от него неполным предложением. При этом опорное предложение имеет структурную схему «подлежащее + сказуемое + дополнение или обстоятельство», а зависимое строится по схеме «подлежащее + конструктивный элемент сказуемого, передающей грамматические значения сказуемого».

Однотипность [или повторяемость] структурных отношений между опорным и зависимым предложениями СФЕ есть следствие зависимое

однотипного характера их смысловых связей: зависимое [будет неполным] присоединяется к опорному [как полному, базовому, опорному].

Присоединительный характер смысловых связей опорного и зависимого предложений служит основой образования определённой модели семантических отношений в СФЕ [общая, исходная информация + дополнительная]. Реализуемая подобным образом семантическая модель отношений в СФЕ воспроизводится через повторяемость определенных структурных отношений.

Полное и неполное предложения образуют структуру, границы которой не всегда совпадают с границами СФЕ, где могут быть предложения, связанные с другими предложениями единства семантическим, а не структурными отношениями [18, с. 114-115].

В таких СФЕ соотношение полного и неполного предложений представляет собой структурное ядро всего контекстуального единства.

Сравним:

“What exactly is beauty?” – “What exactly is... oh, John, that’s a poser”. – “Can I see it, for instance?” His mother got up and sat beside him. “You do, every day. The sky is beautiful, the stars and moonlight night and then the birds, the flowers, the trees – they are all beautiful” [18, с. 34].

Структурное ядро этого СФЕ образовано предложениями “Can I see it, for instance?” [полным предложением] и “You do, every day [неполным].

Между сказуемыми этих предложений существуют структурные отношения, которые выражаются в противопоставленности «развёрнутая структура» - Can I see it... / «неразвёрнутая структура» - You do... Причём структура сказуемого неполного предложения может быть восполнена лишь через структуру сказуемого опорного [полного] предложения: “You do [see it] ...”. Что касается остальных предложений СФЕ, то они коррелируют с ядром не структура, а только семантика – прагматично.

В каждом внутренне объединённом сложном синтаксическом (или сверхфразовом) единстве (СФЕ) имеется опорное стержневое предложение,

как бы вводящее микротему данного конкретного единства. Обычно [но не обязательно] таким предложением – зачином является первое предложение единства. В нём содержится основная [тематическая] информация всего СФЕ.

1. В лексико-синтаксическом отношении опорные предложения характеризуются тем, что их члены представлены лексически полнозначными словами. Синтаксической характеристикой опорных предложений является полнота структурного состава предложения [88, р. 218].

Однако основная информация опорного предложения, рассматриваемая вне связи с информацией других предложений, статична, закрыта. Конкретизация, динамическое развитие содержания опорного предложения наблюдается, в частности, в неполных предложениях.

Эти предложения, будучи синсемантическими, в грамматическом смысловом и коммуникативном отношении зависят от опорного предложения сложного единства, которое относительно самостоятельно.

Основное назначение синсемантических неполных предложений – передача коммуникативно-необходимой, дополнительной информации.

Неполные предложения обычно, но опять же не обязательно, являются последними замыкающими СФЕ предложениями. Сообщив новую информацию или выделив уже известную, неполные предложения закрывают микротему сложного единства.

Если естественное движение человеческой мысли предполагает нарастание смыслового веса, смысловой напряжённости к концу высказывания, то разрешение этой напряженности происходит в неполных предложениях, заключающих СФЕ в смысловом, структурном и коммуникативном отношении [15,с.130].

Из вышесказанного, очевидно, что в каждом СФЕ выделяется предложение, заключающее в себе основную информацию единства. Такое опорное предложение обычно бывает полносоставным.

Нулевой глагольный заместитель в неполносоставном предложении единства, осуществляя имплицитную связь со знаменательной частью сказуемого полносоставного предложения, объединяет эти два предложения в одно смысловое ядро СФЕ.

В тех случаях, когда неполное предложение непосредственно следует за полным, смысловая связь между анцедентом (замещаемым глаголом, в данном случае) и нулевым глагольным заместителем, а следовательно, и между полным и неполным предложениями наиболее крепкая. Например:

He said that she had not changed; now he perceived that she had. Not in face, except that it was more beautiful ; not in form , except that it was a little fuller no! She had changed spiritually [IV, с. 91].

Смысловое ядро этого единства образовано двумя первыми предложениями:

He said that she had not changed;

Now he perceived that she had.

Последующие предложения единства поясняют смысловое ядро.

В пределах самого смыслового ядра единства роль семантического коррелята (т.е. имплицитного связующего элемента) выполняет нулевой глагольный заместитель знаменательной части сказуемого неполносоставного предложения – в данном случае she had (changed подразумевается).

Однако функция имплицитной смысловой связи не единственная функция нулевого глагольного заместителя. Для определения статуса указанного заместителя в пределах смыслового ядро единства рассмотрим ещё один пример: Don't stand there like a Presbyterian person – about to forbid the banns. Have a drink. Not I thought you wouldn't [II, p. 41].

В этом примере необходимый коммуникативный минимум обеспечивается двумя предложениями. Have a drink; I thought you wouldn't.

Эти предложения составляют смысловое ядро единства, так как первое предложение единства по отношению к двум последующим предложениям, т.е. смысловому ядру, имеет вводный характер.

В смысловом ядре единства имеется центр, концентрирующий в себе смысловые связи ядра, подобно тому, как грамматический центр в пределах структурного ядра СФЕ сосредоточивает в себе грамматические (предикативные) связи этого ядра единства.

1.3. Коммуникативно-информативный центр сверхфразового единства.

Можно предположить, что наиболее ценное смысловое содержание СФЕ сосредотачивается в его коммуникативно-информативном центре.

Обратимся к СФЕ, структура которых представлена следующим образом: одно или несколько полносоставных предложений + одно или несколько неполносоставных предложений с имплицитно выраженной знаменательной частью сказуемого.

Ср.:

1. They obviously expected him to express his relief his gratitude. But he could not [II, p. 253].

2. I couldn't resist asking if they had read. There Stories and Ten Poems. They had [III, p. 22].

3. I was sure he would never raise the subject. And he never did [III, p. 89].

Во всех приведённых СФЕ структурные отношения между опорным [полным] предложением и зависимым [неполным] однотипны.

Однако полное и неполное предложения образуют синтаксическую структуру, границы которой могут не совпадать с СФЕ. В нем отмечаются еще и предложения, связанные с другими предложениями единства семантическими, а не структурными отношениями. Тогда сочетание полного и неполного предложений выполняет роль структурного ядра единства.

Ср.:

4. “What exactly is beauty?” – “What exactly is ... oh, John, that’s a poser.” “Can I see it, for instance?” His mother got up and sat beside him. “You do, every day. The sky is beautiful, the stars and moonlight night and then the birds, the flowers, the trees-they are all beautiful” [IV, p. 314].

В приведенном контекстном фрагменте структурное ядро СФЕ образовано предложением *Can I see it, for instance* [т.е. полным предложением] и *You do, every day* - неполным. Между сказуемым этих предложений существуют структурные отношения, выражающиеся в оппозиции «развёрнутая структура» - *Can I see it...* «неразвёрнутая структура» - *You do*.

Другим важным признаком подобным СФЕ будет соотнесённость грамматических значений полного и неполного предложений, позволяющая выявить определенную семантику отношений между этими значениями предложений СФЕ.

Ср.:

5. From the way we are all behaving one would think the whole of this nation was concentrated upon the doings of the Church. One wisher it were. But it isn't [IV, p. 22].

Между предложениями приведенного СФЕ существуют определенные структурные отношения, восходящих к оппозиции структур сказуемых и составляющих единство: полная (компонентно-развернутая) структура *was concentrated* // неполные (неразвёрнутые) структуры *were...; isn't...*

Первое предложение СФЕ имеет грамматическое значение ирреальности действия – предложения.

Во втором предложении - *One wisher it were* – передаётся то же грамматическое значение предложения с модальным оттенком пожелания.

Что касается грамматического значения третьего предложения - *But it isn't*, то оно отличается от такового первого и второго предложений, выражая реальность действия.

Тем самым цельная предикативная линия СФЕ основана на общей смысловой отнесенности к одному действию, на тесной связи грамматических значений составных предложений. При этом грамматическое значение второго предложения наслаивается на таковое первого предложения, передавая отношение говорящего к высказываемому и не модифицируя содержание действия.

Третье же предложение противопоставлено по грамматическому значению первым двум предложениям. Оно качественно меняет содержание действия, переводя его в иной модельный план. Причем это уже новый аспект действия.

Отсюда каждое предложение в зависимости от конкретного коммуникативного задания [ситуации] можно определить в терминах актуального членения СФЕ как данное или новое по отношению к предыдущим или последующим предложениям. Так, в вышеприведенном СФЕ (N5) как данное или новое противопоставлены грамматические значения ирреальность / реальность первого [From the way we are...] и третьего [But it isn't] предложений. Грамматическое значение третьего предложения – реальность действия – качественно модифицирует содержание действия [данного в первом предложении], подчеркивая именно новый аспект действия [16, с. 84].

Из вышесказанного, очевидно, что в каждом СФЕ часто можно выделить предложение, которое заключает в себе основную информацию всего единства.

Подобное опорное предложение обычно бывает полносоставным.

Нулевой глагольный заместитель в неполносоставном предложении СФЕ, осуществляя имплицитную связь со знаменательной частью сказуемого полносоставного предложения, объединяет эти два предложения в одно смысловое ядро СФЕ. В случаях, когда неполное предложение непосредственно следует в СФЕ за полным, смысловая связь между antecedентом (замещаемым глаголом, в данном случае) и нулевым

глагольным заместителем, а следовательно, и между полным и неполным предложениям СФЕ наиболее крепкая: [6] He said that she had not changed; now he perceived that she had. Not in face, except that it was more beautiful; not in form, except that it was a little fuller – no! She had changed spiritually [IV, с. 91].

Смысловое ядро этого СФЕ образовано двумя первыми предложениями: He said that she had not changed; now he perceived that she had.

Следующие за ними предложения поясняют смысловое ядро, в котором роль семантического коррелята [т.е. имплицитного связующего элемента] выполняет нулевой глагольный заместитель знаменательной части сказуемого неполносоставного предложения [в данном случае - She had changed (подразумевается)].

Однако функция имплицитной смысловой связи не единственная функция нулевого глагольного заместителя:

[7] Don't stand there like a Presbyterian parson – about to forbid the banns. Have a drink. No! I thought you wouldn't [I, p. 41].

Здесь необходимый коммуникативный минимум обеспечивается двумя предложениями - Have a drink? I thought you wouldn't. Именно эти предложения составляют смысловое ядро СФЕ, ибо первое предложение СФЕ имеет вводный характер по отношению к двум последующим предложениям [т.е. смысловому ядру СФЕ].

В рассматриваемом СФЕ наиболее синсемантическим элементом его ядра является нулевой глагольный заместитель, потому что его существование основано на обязательной связи со знаменательной частью сказуемого опорного предложения [т.е. на связи с контекстом] [17, с. 85-86].

Выводы по 1-ой главе

Существование синтаксических структур, выражающих сложные синтаксические отношения, связано с универсальными законами мышления,

как отражение того, что все факты и явления окружающего нас мира существуют не изолированно, а во взаимосвязи и взаимозависимости.

Формы этой связи многообразны: причинно-следственная, условная уступительная, временная соотнесённость явлений и т.д., но резкой грани между указанными типами отношений не существует.

Отражая объективную реальность, лингвистическая материя выражает также всю сложность отношений, существующих между предметами и явлениями, выделяя из своего арсенала определённые средства для их обозначения.

Микроконтекст СФЕ нередко сводится к более или менее развёрнутому сложному предложению. При этом в сложном предложении, состоящем из двух звеньев, синтагматическое членение (отражающее потенциальные возможности смыслового, т.е. актуального членения) может совпадать с синтаксическим членением на главное и придаточное предложение, так как сама синтаксическая структура сложного предложения с одним придаточным бинарна.

Смысловые связи главного и придаточного предложения - микроконтекста СФЕ - могут быть весьма различными, выражая целую гамму семантических отношений: между главным и придаточным может наблюдаться динамическое равновесие (при относительной самостоятельности, развёрнутости содержания и значительности сообщения, как в главном, так и придаточном).

В любом СФЕ - сложном предложении говорящий всегда исходит из чего-то уже известного, что может быть легко понято, о чём можно догадаться, т.е. из основы, являющейся отправным моментом в коммуникации. А то, ради чего состоялась эта коммуникация – коммуникативно наиболее значимая часть ССЕ - представляет ядро СФЕ - сложного предложения, его рему. То есть все СФЕ - сложноподчинённое предложение в плане актуального членения должно распадаться, как и простое предложение на два компонента.

То, что количество придаточных предложений не нарушает бинарность структуры его актуального членения, подтверждает анализ сложноподчинённых предложений с многозвенным подчинением в структуре СФЕ.

Этом же анализ выявляет и основное отличие в плане актуального членения между простыми предложениями и сложными, а именно - многоярусность, многоплановость актуального членения в сложном предложении - основе СФЕ.

Тот факт, что всё многозвенное предложение в плане актуального членения распадается на два компонента (на первом ярусе членения СФЕ) свидетельствует о несовпадении границ формального синтаксического членения сложного предложения - структуры СФЕ и его актуального членения. Благодаря этому происходит редукция, стягивание сложноподчинённого предложения.

Движение коммуникативного динамизма образующее единую функциональную перспективу сложного предложения - структуры СФЕ, создаёт его обозримость, портативность [опорную схему].

В результате СФЕ - многозвенное предложение получается цельным и семантически напряжённым. Это обеспечивает конкретное движение мысли, отражающей объективно связанный в контексте СФЕ отрезок реальной действительности, сложную связь предметов и явлений в современном многомерном мире. Чисто причинным значением, могут всё-таки указывать на причинные отношения в определённых контекстуальных условиях. Изучение же всей совокупности указанных средств в каждом отдельном случае формирования СФЕ, позволяет выявить наиболее типичные черты в их регулярном использовании и определить лингвистическую интерпретацию гипотаксиса моделей СФЕ.

Глава 2

Сверхфразовое единство как синтаксический микроконтекст

2.1. Синтаксические связи в микроконтексте сверхфразового единства

Для изучения релевантных особенностей микроконтекста СФЕ целесообразно избрать такой его наиболее типичный по сложности и семантико-функциональной деривационной активности, как гипотактическое СФЕ, среди которых рассмотрению прежде всего подлежат, например, определительные придаточные части.

К определительным зависимым предикативным единицам (или придаточным частям) в составе сложноподчинённого предложения СФЕ в современной англистике относят несколько их разновидностей, объединив их по ряду признаков:

- по признаку выражения качественной характеристики (аналогично определению внутри предложения),
- по признаку наличия относительного связующего слова и вытекающей отсюда функции репрезентации,
- по признаку именной отнесённости.

Однако из всех разновидностей только определительные ограничительные придаточные части обладают всеми тремя признаками.

Для остальных типов определительных придаточных частей – описательных, аппозитивных, конкретных (бессоюзных) и относительных (continuative) – обычно характерны два или один признак. Все эти признаки характеризуют придаточные части с разных точек зрения и не являются одноплановыми.

С точки зрения структурной типологии и механизма подчинения четыре из пяти указанных разновидностей также обнаруживают существенные различия в основных типах СФЕ.

В сложноподчинённом предложении - СФЕ с определительной ограничительной придаточной частью типа *Aren't you the young man who warred Fleur Forsyte* [III, p. 116] связь в СФЕ осуществляется корреляцией

относительного местоимения *who* с детерминантом антецедента - в указанном случае [например, с артиклем *the* перед словом *man the young...who*].

Таким образом, придаточная часть СФЕ не только определяет антецедент [т.е. предшествующий компонент СФЕ], но и конкретизирует имеющийся детерминант [т.е. определитель].

Характер связи - двусторонний, так как актуализованные элементы соотнесены и являются механизмом подчинения.

Главная часть не обладает грамматической законченностью, хотя в ней есть все элементы, обеспечивающие завершённость структуры СФЕ.

Отсутствие грамматической законченности определяется наличием того же детерминанта (определителя), который выполняет функцию презентации [= наличия] и предлагает продолжение для осуществления двусторонней соотнесённости.

Этот момент подкрепляется интонационно, так как на детерминант падает логическое ударение (в случае использования артикля оно переносится на антецедент). Поэтому антецедент вместе с детерминантом становится организующим центром всего предложения с функцией СФЕ.

Поскольку механизмом подчинения является соотнесённость, этот тип подчинения в СФЕ можно назвать соотносительным.

2. Определительные описательные и относительные придаточной части СФЕ типа *Hence the horror of tourism, which is a conventionalizing, a codification of adventure and exploration which is absurd* [I, p. 217] отличаются по отнесенности и, следовательно, по объёму репрезентирующего значения относительного слова.

С точки зрения и характера связи имеется определённое сходство.

С точки зрения структурной типологии и механизма подчинения обе разновидности придаточных СФЕ следует отнести к распространительному типу подчинения, который характеризуется ослаблением связи между главной и придаточной частями и структурной законченностью главной

части, сохраняющей при опускании придаточной части свой грамматический и коммуникативный статус. Что касается характера связи, то но - односторонний, и придаточная часть – факультативна. Механизм подчинения осуществляется в таком СФЕ только с помощью относительного слова, которое репрезентирует (представляет) один член главной части или же всю главную часть, СФЕ.

3. Бессоюзные или контактное определительное подчинение в СФЕ характеризуется тем, что главная и придаточная часть имеют общий член предложения: I don't want of us to say things we'll regret [III, p. 204]. Впрочем, формально слово things не является прямым дополнением к глаголу regret, однако его грамматическое и лексическое осмысление [как переходного глагола] возможно только при реализации наличествуемых в СФЕ валентных связей.

Механизмом подчинения и является незавершённость и зависимость (синтаксическая и смысловая) в СФЕ придаточной части от главной.

Поскольку главная и придаточная части СФЕ совместно реализуют необходимые синтаксические связи, этот тип подчинения СФЕ можно назвать совместительным. При нём недопустим отрыв придаточной от главной части СФЕ.

4. В сложном предложении с придаточным аппозитивным типа The fact that his cousin Gilbert was not present at the moment gave him the courage to say it [V, с. 47] придаточная часть СФЕ раскрывает содержание незнаменательного (или неполнознаменательного) слова, т.е. находится в комплетивных или аппозитивных отношениях к своему антецеденту.

Главная часть обладает структурной законченностью и может быть внешне эквивалентна простому независимому предложению The fact gave him the courage to say it, однако коммуникативно ему не равнозначно и в отличие от него лишена смысловой законченности. В данном случае в предложении возникает анафорическое значение артикля the и, следовательно, смысловая отнесенность к предшествующему высказыванию.

Механизмом подчинения является обычная интерпозиция придаточной части СФЕ, а также коммуникативная неполноценность главной части СФЕ в отрыве от придаточной. Этот тип подчинения в СФЕ можно назвать комплективно-аппозитивным.

Анафорическое значение (в том числе и применительно к семантико-функциональным и структурным характеристикам СФЕ) имеет большую активность.

Так, в современном английском языке анафорические атрибутивные сочетания могут иметь полную структуру со словом – заместителем и неполную структуру с нулевой формой повторяющегося компонента в зависимости от грамматических особенностей определения и определяемого и от позиции определения.

Для сочетаний с постпозитивным определением нормой является полная структура.

Повторяющийся компонент замещается словами – заместителями *one* и *that*.

Неполная структура возможно, если повторяющееся существительное имеет и препозитивное определение:

A good general. The best you've ever served under [III, p. 122].

Анафорические сочетания с препозитивным определением и неисчислимым существительным в функции определенного имеют неполную структуру, так как неисчисляемые существительные не замещаются заместителем *one*, а заместитель *that* употребляется в СФЕ только с постпозитивным определением.

Анафорические сочетания с препозитивным определением и исчисляемым существительным – определяемым, как правило, имеют в СФЕ полную структуру.

Повторяющийся компонент замещается заместителем *one*.

Заместитель *one* является показателем в СФЕ присубстантивной позиции прилагательного. Он также компенсирует отсутствие у прилагательного форм числа и надежа.

Некоторые прилагательные, порядковые числительные и местоимения [одни благодаря своим морфологическим показателям, другие – благодаря значению и закреплённой присубстантивной позиции] могут выражать в СФЕ число и синтаксические связи сами по себе, без помощи заместителя.

Такие определения будут сильными. Они допускают более или менее регулярное опущение в контексте СФЕ повторяющегося субстантивного компонента.

К сильным определениям в СФЕ относятся прилагательные в сравнительной и превосходной степени и порядковые числительные. Их суффиксы – *er*, *- est*, *- th* на синтаксическом уровне выполняют в СФЕ функцию показателя присубстантивной позиции. Структура анафорических сочетаний с этими определениями часто бывает в СФЕ неполной:

The second week went by exactly like the first [V, с. 148].

Неполная структура при сильном определении невозможно, если антецедент и повторяющийся компонент СФЕ не совпадают в числе: при нулевой форме повторяющегося компонента его число интерпретируется как совпадающее с антецедентом.

На структуру сочетаний с сильным определением влияет в СФЕ тип артикля.

Определённым артикль чаще допускает опущение повторяющегося компонента, чем неопределённый:

Another man had returned out of the forest: a wiser one [IV, с. 128].

При слабом определении, выраженном прилагательным в положительной степени или существительным, неполная структура СФЕ встречается, когда определение антецедента и определение повторяющегося компонента – антонимы. Нулевая форма определяемого усиливает в СФЕ

смысловое ударение на контрастных определениях: *Now sleeps the crimson petal, now the white* [II, с. 206].

Особым видом сильного определения являются в СФЕ имения. Некоторые из них выражают число (*some, any* – лексически; *this, that other* – грамматически), многие выступают только в присубстантивной позиции.

Если местоимение выражает число и имеет только одну синтаксическую функцию, оно регулярно образует неполную анафорическую структуру: *Have you any views? He asked. Too many: I said* [III, p. 112].

Местоимения, способные занимать присубстантивную и субстантивную позицию, образуют наряду с неполными также и полные структуры:

It's time you had a new table. This one wobbles [III, p. 144];

Her friends had let her down; then she must collect others. [V, p. 130].

2.2. Синтаксис сверхфразового единства в аспекте каузальности

В окружающем нас мире все предметы и явления взаимосвязаны и взаимозависимы. Одной из ведущих форм взаимосвязи предметов и явлений объективной действительности является причинно-следственная зависимость, объясняемая в ракурсе категории каузальности.

Языковое представление категории каузальности включает в себя единицы различных структур и уровней [включая и СФЕ].

На синтаксическом уровне в качестве средств актуализации причинно-следственных отношений выступают:

1) предложение с союзом:

He kept on regretting his folly bitterly; and thought he told himself that it was absurd to regret, for what had happened was inevitable just because it had happened, he could not help himself [II, p. 349].

His features were regular, and it was possible to imagine that in his youth he had been good - looking [III, p. 6];

2) бессоюзное предложение:

“I can’t overcome my desire, but I hate it: it imprisons my spirit: I look forward to the time when I shall be free from all desire and can give myself without hindrance to my work» [V, p. 151-152];

3) герундиальный оборот:

After leaving Cambridge he was called to the bar, but he had a little money enough to live on in those inos pensive days, and finding the law distasteful he had made up his mind to devote himself to literature [IV, p.86].

4) причастный оборот:

She made him promise to write to her, being an honest, decent fellow with natural politeness and a desire to make himself pleasant to everybody, when he got home he wrote her a long and charming litter [V, p. 220];

5) инфинитивный оборот:

You had to push your nib with the finger – nail so as to get point of it over your opponent’s while he maneuvered to prevent this and to get the point of his nib over the back of yours... [III, с. 44];

б) предложное словосочетание с именем существительным в качестве основного компонента:

His fellows forgave him his success because of his deformity [III, с. 47].

The only furniture was a chest of drawers: it had four drawers and two small ones, and Philip as new – comer had one of these; there were key to them, but as they were all alike they were not of much use, and Harris advised him to keep his valuables in his trunk [III, p. 570].

Наблюдения над текстом свидетельствуют о том, что наиболее распространённым способом выражения каузальных отношений на уровне СФЕ является сложное предложение с причинными и следственными союзами.

Как правило, части сложного предложения выражающего причинно-следственные отношения, соединяются союзами, семантика которых не вызывает сомнения: because, so, for, so, that. Сам факт присутствия указанных

союзов в сложном предложении свидетельствует о наличии в этом предложении причинно-следственных отношений.

Однако в употреблении есть сложные предложения, часть которых соединены союзами, не всегда представляющими данные отношения достаточно дифференцированно.

Одновременно с подчинительной связью некоторые причинные союзы осуществляют в СФЕ присоединительную связь, что характерно, например, для союза “for”:

You might walk through the streets and be unamazed to find them all deserted, and yet not empty: for you felt a presence invisible and yet manifest to every inner sense [IV, p. 288].

Наряду с однозначными союзами (because, so, that.) существуют полифункциональные союзы (since, as, if, when и т.г.), выражающие отношения условия, сопоставления, времени одновременно с причинными отношениями. Например: When (= as) the Chinese laundry- man refused to work for him without payment she had sent his things to be washed with hers [IV, p. 184] ;

On our way he explained to me why he desired my presence; if (= as) she still refused to see him perhaps she would see me [IV, p. 132];

A little pang seized him as (= when) he thought of the child, and he wondered whether she would miss him; and he was thankful to be rid of Mildred [V, p. 543].

Многие исследователи отмечают факт осложнения временного значения оттенком причинности в сложных предложениях с союзами «when» и “while”, полагая, что временное значение в таких предложениях является фоном, на который наслаиваются дополнительные смысловые оттенки. Ср.: подобные образцы контекста:

“I think your tired soul sought rest in a woman’s arm, and when (=as) you found no rest there you hated her [IV, p. 158];

In those days to dye the hair excited comment, and Philip had heard much gossip at home when (=as) his god-mot her changed color [V, p. 4-5].

Придаточное предложение, вводимое союзом “that,” относится к разряду причинных, когда оно следует за прилагательным или наречием в сравнительной степени, которому обычно предшествует артикль - the [88,с. 283-284]. Ср.:

It was a melancholy precaution, and the more melancholy that it was necessary [II, p. 183].

The act was the bolder that he stood utterly alone [II, p. 192].

Характер выражаемых в этих предложениях отношений позволяет отнести предложения, вводимые “that”, к придаточным обстоятельственным причины.

Как правило, содержание всего предложения даёт основание считать союз “that” средством выражения причинных отношений:

Philip was a little annoyed that (= as) his uncle did not even see how truly heroic his determination was [V, p. 281].

She went for a “constitutional” every morning that (= as) it was fine and remained out a definite time [III, p. 189].

When some great discovery is made the world is surprised afterwards that (= as) it was not accepted at once, and even on those who acknowledge its truth the effect is unimportant [V, p. 290].

В языке встречается много СФЕ, когда отношение, выражаемое той или иной конструкций, не поддаётся однозначному определению.

Синкретизм значений – одно из распространенных явлений языка [19, с. 204].

Явление синтаксического синкретизма присутствует, например, в сложных каузальных предложениях с союзом “and”, в которых причинно-следственные отношения осложняются дополнительными смысловыми оттенками. Среди них в СФЕ наблюдаются:

1) предложения, в которых причинно-следственные отношения перекрещиваются с отношениями временной последовательности:

She called out, and a boy came running along [V, с. 205];

She began to cry, and Philip, thought he did not quite understand, cried too [IV, p.4];

She sent him into the nursery to gather up his toys, and in a little while he was playing happily [I, p. 4].

2) предложения, выражающие следственно – результативное значение:

Her tears increased her emotion, and she pressed the little boy to her heart [II, p. 44].

His appetite which had been excellent left him, and he could eat little [II, p. 140].

Though no one had told him not to go in, he had a feeling that it would be wrong to do so; he was a little frightened, and his heart beat uncomfortably, but at the same time something impelled him to turn the handle [III, p. 9].

3) или условно – следственные :

Philip went to awake Mrs. Foster, but it was later he thought and (= if) she was up already [V, p. 220].

It was plain enough that he had not been on friendly terms with his sister, and (= if) he resented her suicide as a last injury that she had done him [V, p. 259].

“I needn’t see her, need I?” asked Albert Price. “My nerves aren’t very strong, and (= if) it take very little to upset me” [V, p. 260].

Нередко выражение СФЕ достигается за счет увеличения функциональной нагрузки уже имеющихся в языке слов, в данном случае союзов.

Усиление семантической нагрузки союза приводит к тому, что один и тот же союз может иногда совмещать два употребления, выражая, таким образом, две функции.

Функциональная дифференциация в этом случае, видимо, зависит от условий контекста, на фоне которого происходит смысловая конкретизация союза в СФЕ.

Факты полифункционального употребления в СФЕ союза отличаются также при анализе причинно-следственных отношений в сложном предложении с союзом “and”.

Поэтому здесь важно установить характер смысловых отношений между частями сложного [каузального] предложения, разделённого союзом “and”, и выявить некоторые особенности его структуры. При этом задачи исследования определяются следующим образом:

- 1) выявить наличие причинно-следственных отношений в структуре анализируемых объектов;
- 2) определить направленность причинно-следственной зависимости в предложениях;
- 3) выделить логико-семантические типы рассматриваемых конструкций и
- 4) дать структурную характеристику сложных [каузальных] предложений с союзом “and”.

Союз “and” способен передавать различные типы смысловых отношений, отличаясь своей многозначностью и частотностью употребления: присоединительные, противительные, причинно-следственные, временные, пояснительные и относительные. Среди них отмечается широкая распространенность причинно-следственных отношений, передаваемых сложным предложением. Например:

It was June, but it had rained during the day and the night was raw and cold [V, p. 195].

He smiled a little. He knew her pretty well by now and her manner did not surprise him [V, p. 334].

The portraits were a little larger than life – size, and things gave them an ungainly look [V, p. 156].

Эти предложения воспринимаются в СФЕ как передающие зависимые отношения: в первой части обычно называется причина, во второй части – следствие.

Налицо асимметрия синтаксического и семантического планов, сочинительный союз “and” соединяет части предложения, находящиеся в СФЕ в отношениях логического господства и подчинения.

2.3. Трансформационный анализ синтаксиса сверхфразового единства

Анализ подобного материала может проводиться также с помощью элементов трансформационного метода, в результате чего выделяются сложные конструкции с разным характером взаимоотношения между составляющими компонентами (грамматическое равноправие в одном случае и грамматическое неравноправие в другом).

Использование экспериментальных трансформаций применимо в следующей последовательности:

1. На первом этапе анализа СФЕ выявление причинно-следственных отношений происходит в результате применения обратимости (Т-обратимости) [используется следующая система условных обозначений, принятых при описании трансформационного метода: Т–грамматика – трансформационная грамматика, Т-синтаксис – трансформационный синтаксис, Т – анализ – трансформационный анализ, Т – обратимость – трансформационная обратимость и т.д.], состоящей в превращении сложносочиненного предложения с союзом “and”, части которого связаны причинно-следственными отношениями, в сложноподчинённое путём введения причинных и следственных союзов: as, since, because, so that.

Указанная трансформация СФЕ включает две операции:

1) операция введения причинно – следственных союзов: as, since, because, so that, as, so и

2) перестановку частей сложного предложения, если это допускается структурными и семантическими особенностями данного языка. Например:

I

Исходные базовые предложения

1) “You’ve got no money, and you can never keep a job for more than a month or two” [I, p. 191].

2) I noticed that she looked at him when he came, and I asked her if she liked him [II, p. 190].

3) Tahiti is very far away, and I knew that I should never see it again [V, p.218].

4) Then we came near, and I seemed to recognize it [III, p. 185].

5) “But Abraham fell out, and I got the job” [I, p. 189].

II

Возможные варианты

a) Since (= as) you’ve got no money, you can never keep a job for more than a month or two.

b) You can never keep a job for a month or two because (= for) you have no money.

a) As (= since) I noticed that she looked at him when he came, I asked her if she liked him.

b) I asked her if she liked him because (= as) I noticed that she looked at him.

a) As (= since) Tahiti is very far away, I know that I should never see it again.

b) I knew that I should never see Tahiti again because (=as, for) it is very far away.

a) As we came near I seemed to recognize it.

b) I seemed to recognize it because we came near.

a) But since (= as) Abraham fell out I got the job.

b) I got the job because (= as) Abraham fell out.

На этом же этапе анализа СФЕ в качества дополнительного приёма использовалась Т – элиминирования, или исключения членов предложения.

В связи с тем, что Т – элиминирования подвергались, как правило, многочастные структуры, имеющие в своём составе конструктивно избыточные элементы, мы рассматриваем указанную трансформацию как дополнительную приём анализа материала в отличие от трех других трансформаций, которые являются обязательными для всех анализируемых конструкций.

Это было вызвано тем, что различные члены состава сложного предложения, как показали наблюдения, могут иметь или не иметь значение для выражения логического отношения «причина - следствие».

Иными словами в составе сложного предложения выделяются конструктивно избыточные и конструктивно значимые элементы, обязательные сложных многочастных структур конструктивно избыточные элементы отсекаются от конструктивно значимых.

Изыятие конструктивно избыточных элементов в этом случае облегчает анализ материала, позволяя в то же время сохранить данное логическое отношение.

Например:

1) Then two years more went by, or perhaps three, for time passes imperceptibly in Tahiti, and it is hard to keep count of it, but at last a message was brought to Dr. Coutras that Strickland was dying [V, p. 211].

2) He seemed suddenly to realize his unhappiness, and thought he knew he was making himself still more absurd, he began to cry [V, p. 15].

1) ... time passes imperceptibly in Tahiti, and it is hard to keep count of it ...

2) He seemed suddenly to realize his unhappiness, and ... he began to cry.

3) They spoke in the native language of which I had learnt, but halt a dozen world, and it sounded as though the world would shortly come to an end ; but presently peace was restored and Tire gave the cook a cigarette [V, p. 190].

3) ... but presently peace was restored and Tire gave the cook a cigarette.

Далее считаем возможным использовать Т – субституции (т.е. трансформацию субституции), которая состоит в замене проверяемого элемента (в данном случае союза “and”) другим причинным или следственным союзом. В качестве контрольных элементов избираются союзы “because” и “so that”.

Как показали Т – субституции, по характеру взаимодействия частей сложного каузального предложения с союзом “and” выделяются следующие два типа предложений:

1) сложные каузальные предложения с зависимой следственной частью, т.е. с прямым направлением связи (П→С) [здесь условно обозначаются: П – причина, С – следствие]:

Mr. Carey was unused to work, and he turned to his correspondence with resentment [V, p. 8];

Philips foot was hurting him a little, and he was glad to put it up on a chair [V, p. 120];

He was clumsy at first, and she laughed at him [II, p. 165].

Сложные каузальные предложения с зависимой причинной частью, или с обратным направлением связи (С←П):

— You might have written to me.

— I didn't like to, not after what happened, and (=as, because) I did not what you to know I was in difficulties [II, p. 242];

“You’d better be getting your clothes ready, my dear”, she told Mrs. Dersingham, who smiled, though not very brightly. She did not see anything very funny in all this, and (=as) her husband was behaving very stupidly [I, p. 236];

III. В связи с тем что анализу подвергались конструкции, асимметричные в СФЕ по характеру выражаемых синтаксических (отношения грамматического равноправия) и семантических (подчинительные) отношений дальнейшее исследование включает Т – вопросно-ответного единства с функциональными словами “Why? – Because...”.

Использование этой трансформации предполагает анализ материала в логическом аспекта, т.е. с точки зрения логической взаимообусловленности представленных в предложении событий.

Поясним это положение на примерах:

1) It was June, but it had rained during the day and the night was raw and cold [II, p. 240].	- Why was the night raw and cold? - Because it had rained during the day.
2) His appetite which had been excellent left him, and he could eat little [II, p. 319].	- Why could he eat little? - Because his appetite... left him.
3) But he had work to do, and he brought his book up to the table [II, p. 300].	- Why did he bring his book up to the table? - Because he had work to do.
4) Philip was reserved, and it embarrassed him to be the recipient of so many confidences [V, p. 283].	- Why did it embarrass him (Philip) to be the recipient of so many confidences? - Because Philip was reserved.
5) Philip’s foot was hurting him a little, and he was glad to put it up on	- Why was he glad to put it (his foot) up on a chair?

chair [V, p. 120].

- Because Philip's foot was hurting him a little.

Рассмотренные выше СФЕ – сложные конструкции, в которых одно действие выступает как причина, а другое – как следствие, относятся к случаям так называемого идеального выражения причинно – следственной зависимости [25, с. 142].

Иными словами, идеального соотношения причины и следствия в пределах СФЕ – сложного предложения требует, чтобы действие, представленное в одной части предложения, выступало в качестве причины другого действия, представленного в другой части этого же предложения.

Однако в языке наблюдаются конструкции с отклонениями от указанного соотношения, которые выражаются в усилении или ослаблении степени причины – следственной зависимости в рамках анализируемого предложения. Такие случаи рассматриваются нами как случаи нарушения логического равновесия причинно – следственной связи, а конструкции, в которых проявляется это нарушение, классифицируются как конструкции с избыточной или недостаточной «мерой причинности». Под «мерой причинности» понимается степень причинного значения в анализируемой конструкции, обусловленного взаимодействием семантического, синтаксического и контекстуального факторов [87, с. 211].

Например:

His uncle has never betrayed any particular emotion in the affairs of life; and it was dreadful to see them now; for they signified a terror that was unspeakable.

1) – why was it dreadful to see them (emotion) now?

- Because his uncle has never betrayed any particular emotion in the affairs of life.

2) – why was in dreadful to see them (emotion) now?

- Because they (emotion) signified a

terror that was unspeakable.

В результате применения анализа по определению T – вопросно-ответного единства происходит расщепление конструкции на три части, одна из которых содержит вопрос, а две другие определяют причинную зависимость и устанавливают степень этой зависимости [21, с. 150].

В первом случае устанавливается причинная зависимость самого общего характера, свойственная данному предложению в целом.

Во втором случае коммуникативный центр семантически как бы сдвигается, и смысловой акцент ставится на слове «dreadful».

Будучи семантически окрашенным, dreadful оказывается слишком «сильным» для смысловой структуры предложения и требует дальнейшего уточнения ситуации.

В целях уточнения и конкретизации ситуации вводится дополнительный смысловой план, представленный придаточным предложением с “for”.

Если с помощью T – элиминирования исключить придаточную часть с союзом “for”, то в предложении возникает семантическая недостаточность или семантический эллипсис, опять же требующий своего некоторого восполнения.

Таким образом, в рассматриваемом случае наблюдается усиление в СФЕ причинной зависимости: причина более общего характера + причина частная, выраженная придаточной частью с союзом “for”. Нарушение логического равновесия «причина - следствие» устраняется в данном случае за счёт микроконтекста предложения.

Аналогичное явление наблюдается при анализе предложений типа:

1) Dirk with his vain lamentations, had begun to bore me, and I avoided his society [V, p. 120].

2) The light was dim, and after the brilliant sunshine for a while he could see nothing [I, p. 104].

Здесь лишь разница в том, что в качестве семантического актуализатора причины частного характера выступает не придаточное предложение с союзом, а сочетание слов: в первом случае синтаксическая группа «with his vain lamentations» а во втором – «after the brilliant sunshine».

Во всех вышерассмотренных предложениях семантическая недостаточность снимается микроконтекстом предложения.

Противоположные по своему характеру явление наблюдается в предложениях с ослабленной степенью причиной зависимости между компонентами. Вычисление необходимых смысловых звеньев из более широкого контекста компенсирует недостаток меры причинности в этих предложениях.

Например:

1) [She heard someone groaning]

The door wasn't locked, and she went in [I, p. 131].

Предыдущий и последующий контекст, необходимый для целостного восприятия содержания предложения, заключается в квадратные скобки.

- Why did she go in?

- Because the door wasn't locked / -/.

- Because she heard someone groaning /+/.
[Синтаксические конструкции, не принимающие Т – вопроса – ответного единства, обозначаются символом /-/, конструкции, прошедшие эту трансформацию – знаком /+/.

[Синтаксические конструкции, не принимающие Т – вопроса – ответного единства, обозначаются символом /-/, конструкции, прошедшие эту трансформацию – знаком /+/.

2) Sally came in to lay the table, and Philip began to chaff her. It was the family joke that she would be as fat as an aunt of Mrs. Athelny, called Aunt Elizabeth, whom the children had never seen but regarded as the

- why did Philip begin to chaff (Sally) ?

- Because Sally came in to lay the table. /-/

- Because it was the family joke that she (Sally) would be as fat as

type of obscene corpulence [V, p. 161-162].

3) Philip had never seen a woman cry with such an utter abandonment. It was horribly painful, and his heart was torn [V, p. 215].

an aunt of Mrs. Athelny, ... /+/

- why was his heart torn ?

- Because it was painful. /-/

- Because Philip had never seen a woman cry with such an utter abandonment, and it was painful./+/

В приведённых контекстах с СФЕ налицо комбинация микро- и макроконтракста на основе использования анафорического *it*.

Как показывает материал, обращение к широкому контексту устраняет семантическую недостаточность и способствует выявлению логической последовательности и взаимообусловленности представленных в предложении событий.

Таким образом, применение Т – вопросно-ответного единства позволило выделить две следующие группы сложных каузальных конструкций с союзом “and”.

1) конструкции, в которых соблюдаемое логическое соотношение «причина – следствие» находит своё отражение в семантической структуре предложения.

Например:

But he had work to do, and he brought his book up to the table.

Dr. Wigram was more anxious not to do wrong than to do right, and he never hazarded a definite opinion if he could help it [V, p. 199].

2) Структуры с нарушением логического равновесия «причина – следствие». Отношения причинной обусловленности устанавливаются здесь благодаря посредствующему звену, которое содержится либо в микроконтексте анализируемого предложения, либо в микроконтексте.

Например:

His uncle had never betrayed any particular emotion in the affairs of life ; and it was dreadful to see them now, for they signified a terror that was unspeakable [I, p. 220].

She heard someone groaning. The door wasn't locked, and she went in. [III, p. 131].

Ср. еще и контекстуальное построение в следующем случае:

[He (Philip) had separated himself from his friends at the hospital but now he wanted companionship. ...].	- Why did Philip make up his mind to write to him (Hay – word)?
He (Hay – word) was coming back for the season, and Philip made up his mind to write to him [V, p. 312].	- Because he (Hay – word) was coming back for the season. (-)
	- Because he (Philip) had separated himself from his friends at the hospital but now he wanted companionship. (+)

Являясь связью внутреннего характера, причинно – следственная зависимость требует для своего выявления познания самой сущности явлений и их взаимодействия. Средством этого познания в нашем случае является широкий контекст, в котором раскрывается связь явлений действительности, их логическая последовательность и взаимообусловленность.

При учёте указанных обстоятельств нам представляется возможным дифференцировать причинно – следственные отношения, представленные в синтаксической конструкции анализируемого типа, на:

а) явные, или «открытые», вытекающие из лексического наполнения самой конструкции :

He had read a great deal, though not very carefully, it appears, and his conversation was extremely intelligent [V, p. 5];

On his first visit to the vicarage he had come with his nurse, and Mrs. Carey had little to do with him [V, p.11];

б) причинно – следственные отношения «скрытого» характера, для подтверждения которых необходимо привлечение макро контекста:

[Mr. Carey was unused to work, and he turned to his correspondence with resentment]. On one side of the desk was a bundle of bills, and this filled him with irritation [V, p. 8];

Thekla painted in water color, and occasionally she and Philip, with another of the girls to keep them company, would go out and paint little pictures [V, p. 103].

“And I feel that I can paint. I know I’ve got it in me” (Philip) [V, p. 188].

Принимая во внимание вышеизложенное и опираясь на данные некоторых английских словарей [The Oxford English Dictionary – Vol. 1, 2003, p. 317; Webster - 2001, p. 30] мы полагаем, что союз “and” является полифункциональным союзом, способным передавать отношения причинно – следственного характера наряду с другими отношениями, реализуя эту способность в определенных контекстуальных условиях. Здесь, видимо, целесообразно говорить о глубинной семантике указанного союза.

Необходимо отметить некоторые структурные особенности сложных каузальных предложений, разделенных союзом “and”.

Структурная характеристика анализируемых объектов выражается в следующих формальных обозначениях [Структура рассматриваемых предложений описывается нами в терминах анализа по непосредственно составляющим, где для обозначения синтаксических групп используются символы: NP – именная группа, VP – глагольная группа]:

1) NP₁ VP₁ , and NP₂ VP₂

He was young still, and there was no object to him [II, p. 103];

The blinds were drawn, and the room in the cold light of a January afternoon, was dark [II, p. 9];

2) NP₁ VP₁, and so NP₂ VP₂ [В языке наблюдается конструкция, в которых значение союза “and” уточняется более конкретным и определённым по содержанию элементом: «so» или “therefore» которые употребляются чисто в экспрессивных целях для уточнения характера связи.]

The question she had expected did not come, and so she could not give the answer she had prepared [III, p. 13];

3) NP₁ VP₁, and therefore NP₂ VP₂:

It was not one of the days on which she got off early and therefore she would have no time to go home and change; but she meant to bring a frock up wither in the morning and hurry into her clothes at the shop [IV, p. 192];

Из структур, перечисленных выше, наиболее распространённой оказалась структура NP₁ VP₁, and NP₂ VP₂:

Mildred had no demonstrativeness, and she found the manifestations ridiculous [V, p. 313].

Кроме того, союз “and” часто используется в сложном предложении для передачи смысловых отношений причинно – следственной зависимости между соподчинёнными предложениями. При этом события и факты, отражаемые в одной придаточной части, могут рассматриваться как причина фактов или событий, отражаемых в последующей придаточной части:

He knew that all my things human are transitory and therefore that it must cease one day or another [V, p. 332];

I reflected that French paper was bad, and that, foiled of my purpose, I need not burden myself with a purchase I did not need [II, p. 146].

Высказанные соображения относительно структурно – семантической характеристики сложных каузальных предложений с союзом “and”, приведенные классификации анализируемых структур не претендуют на бесспорность предлагаемого решения. Средства выражения причинно – следственных отношений в языке как указывалось выше, сложны и многообразны. К ним относятся не только семантически окрашенные или полифункциональные имена (because, for, so that, and, if и т.д.), но и анафорические имена, личные и указательные местоимения, отдельные прилагательные и глаголы с экспрессивной окраской, которые, не обладая чисто причинным значением, могут всё-таки указывать на причинные отношения в определенных контекстуальных условиях реализации СФЕ.

2.4. Синтаксический анализ сверхфразового единства методом актуального членения

Напряжённость коммуникативного динамизма в СФЕ сложном предложении может варьироваться от наименьшей динамичности придаточного, выражающего всем своим составом тему высказывания, до максимальной динамичности главного предложения, являющегося в таком варианте ремой высказывания: *When you thought about her afterwards, you just saw a mental image of those extraordinary blue eyes, disassociated from the rest of her* [I, с. 196].

Или также ср: *“The whole of the company were lying down waiting for the flying trench – mortar squad to deal with the machine – gun, when for some unexpected reason George had stood up”* [I, с. 50].

Характер движения функциональной перспективы будет совершенно иным, если ядром высказывания является придаточное предложение: *It was easy to be self – controlled when you were interested in nothing and nobody but yourself* [V, с. 57].

Но в случае, когда у главного предложения не одно, а два или больше придаточных [т.е. в случае многозвенного сложного предложения] у функциональной перспективы уже нет опоры на бинарность синтаксической структуры.

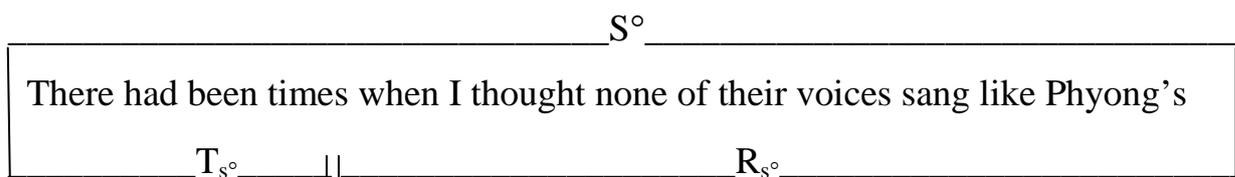
Движение её особенно затруднено в ССФ сложных предложениях с «иррегулярным» последовательным подчинением, где напряжённость коммуникативного динамизма в СФЕ может внезапно смениться динамическим спадом и так же внезапно динамическим нарастанием.

Непосредственным материалом для анализа актуального членения СФЕ целесообразно избрать трёх- и четырёхзвенные сложноподчинённые предложения в современном английском языке.

Как же соотносятся звенья сложного предложения с бинарностью актуального членения? Естественно, начинаем анализ актуального членения

сложноподчинённых предложений с первого яруса членения – высшего уровня, когда всё сложное целое членится на два состава.

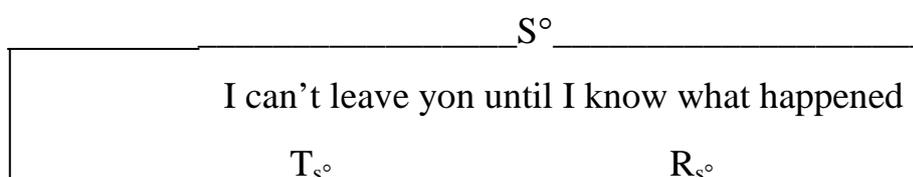
Распределение коммуникативного динамизма в следующем предложении отражает движение единой функциональной перспективы, которая создаёт замкнутое коммуникативное поле высшего ранга (общее микрополе - S°)

[I, с. 23].

Основные компоненты, единицы общего микрополя ССЕ – тема (T_{s°) и рема (R_{s°), представлены комбинацией состава главного предложения и придаточного I степени подчинения (тема) и одним составом придаточного II степени подчинения (рема), т.е. коммуникативная нагрузка в данном трехзвенном предложении распределяется между наименьшей динамичностью главного предложения в комплексе с первым придаточным и наибольшей динамичностью второго придаточного. Все три части сложного предложения образуют в СФЕ одно коммуникативное поле, передающее одно сообщение.

То же самое наблюдается и в следующем предложении :

[I, с. 79].

Но функциональная перспектива этого предложения иная. Высшую долю коммуникативного динамизма здесь несёт комплекс обоих придаточных предложений. Тематическим зачином служит главное предложение.

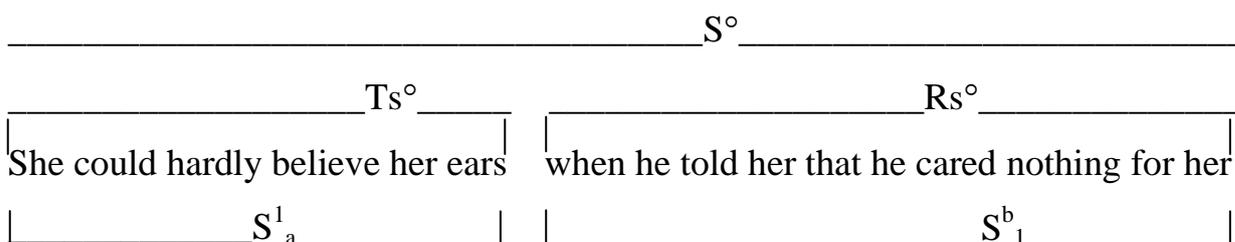
Второй ярус актуального членения имеет дело с коммуникативными полями первого ранга ($\int^1_a, \int^1_b$) – микрополями, создаваемыми в каждом из всего поля СФЕ.

Полюсами микрополя первого ранга являются T_s^1 и R_s^1 .

Третий ярус актуального членения имеет дело с коммуникативными полями второго ранга ($\int^2_a, \int^2_b$) – микрополями, создаваемыми в каждом из компонентов микрополя первого ранга. Полюсами микрополя второго ранга являются T_s^2 и R_s^2 и т.д., т.е. каждый последующий более низкий ярус актуального членения имеет дело с микрополями, создаваемыми полюсами микрополя выше данного на один ранг [22, с. 144].

Как видим, в сложноподчиненном предложении, в отличие от простого предложения, возникают в пределах коммуникативного макрополя СФЕ промежуточные напряжения, создающие коммуникативные микрополя. Суть этих промежуточных полей в том, что напряжение в них получает не полное разрешение, а только частичное, что и делает их несамостоятельными.

Разрешение (= снятие) этих промежуточных напряжений происходит только в общем макрополе, моделирующем всё сложноподчинённое предложение:

[V, с. 102].

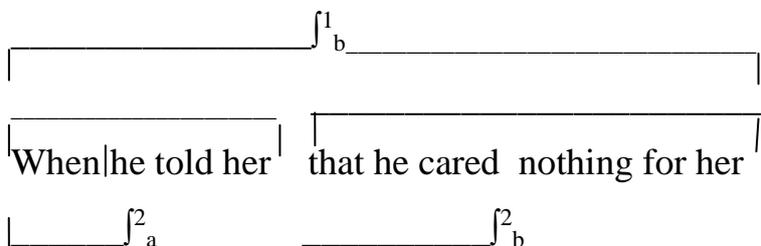
Внутреннее микрополе этого предложения включает два промежуточных поля напряжения – микрополя первого ранга $\int^1_a$ и $\int^1_b$.

Микрополе $\int^1_a$ возникает в главном предложении, а микрополе $\int^1_b$ в комплексе придаточных I и II степени подчинения.

Оба микрополя не являясь полностью независимыми, всё же обладают относительной самостоятельностью, так как в них происходит, хотя и не

полное, по частичное разрешение напряжения, обусловленное противопоставлением темы и ремы в каждом из них.

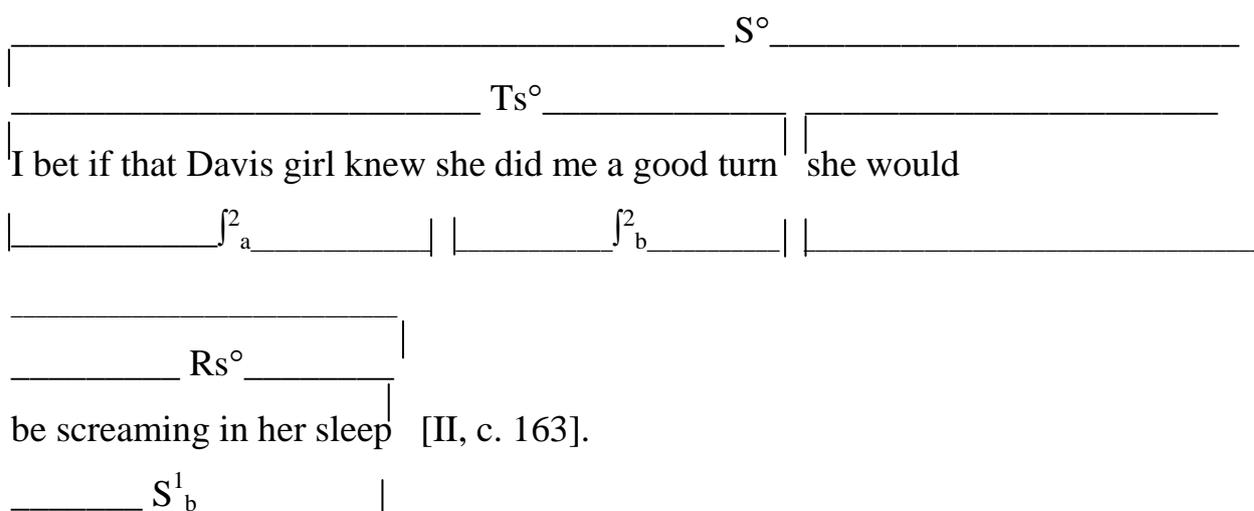
Но на этом актуальное членение данного сложноподчинённого предложения не останавливается. III ярус актуального членения выделяет в микрополе $\int_b^1$ два микрополя третьего ранга - $\int_a^2$ и $\int_b^2$.

Выводы по 2-ой главе

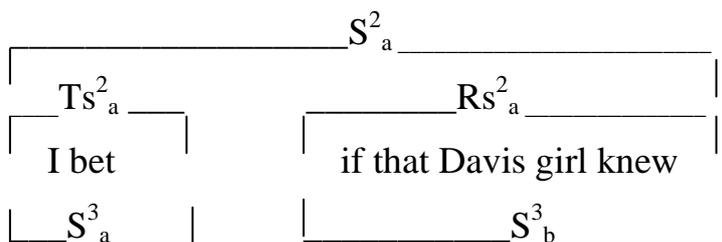
Итак, данный тип сложноподчинённого предложения представляет собой [с коммуникативной точки зрения] единую функциональную перспективу, общее микрополе ССЕ которой своей напряжённостью перекрывает коммуникативное напряжение, создающее микрополя II и III ярусов актуального членения.

В следующем четырёхзвенном сложном предложении движение коммуникативного динамизма тоже создаёт единую функциональную перспективу:

В этом предложении появляется четвёртый ярус актуального членения.

Микрополе второго ранга - f_a^2 - замыкает в своих пределах два микрополя третьего ранга f_a^3 и f_b^3 .

Существование единой функциональной перспективы в сложном многозвенном предложении и многоярусный характер его актуального членения [23, с. 133] может объяснить компактность, портативность многозвенного СФЕ – сложноподчинённого предложения.

СВЕРХФРАЗОВОЕ ЕДИНСТВО КАК СИНТАКСИЧЕСКИЙ МАКРОКОНТЕКСТ

3.1. Макроанализ синтаксической конвергенции сверхфразового единства

В СФЕ выделяются, прежде всего, синтаксические конвергенции с элементами одного семантического плана. Это первый тип. К нему относятся синтаксические конвергенции, элементы которых семантически близки (по крайней мере, в данном контексте). Это - собственно однородные члены, ибо сущность грамматической однородности состоит в том, что два слова (или же несколько) выполняют совершенно одинаковую смысловую роль в том же предложении по отношению к какому – либо другому слову.

Отношения между элементами подобных СФЕ просты, каждый последующий дополняет и раскрывает смысл предыдущего, что увеличивает точность высказывания [24, с 101].

Буквально несколькими штрихами, вернее, комбинацией трёх обособленных определений, Дж. Голсуорси «пишет» образ, и мы уже мысленно видим человека, представляем его жизнь, его характер:

№ 1. *Chinny, mild and nearly ferity, he succeeded within ten minutes in presenting to then every possible doubt* [II, p 38].

Несомненно, что подобные многочленные сочинительные сочетания в СФЕ заслуживают исследования и описания. В этом направлении представляется интересным довольно часто цитируемый пример из «Гимна Рождеству» Диккенса [IV] такого СФЕ:

№2. *“Oh! But he was a tight – fisted hand at the grind – stone, Scrooge! – a squeezing, wrenching, grasping clutching, covetous old sinner”*.

“Squeezing, wrenching, grasping clutching, covetous” – однородные определения, характеризующие алчность старика и определяющие сочетание «old sinner». Каждый из элементов в соотношении с осью рисует образ, который уточняет, дополняет и усиливается последующим соединением «элемент - ось», причем благодаря добавочным ассоциациям, вызываемым

каждым элементом (squeeze – «сжимать», grasp – “хватать” и т.д.), рисуются конкретные картины, труд же общения представляется самому читателю.

Часто элементы конвергенции первого типа являются в СФЕ синонимами, которые передают различные оттенки, нюансы описываемого образа, идеи:

Already in this first half – hour of bombardment hundreds upon hundreds of men would have been violently slain, smashed, torn, gouged, crushed, mutilated [I, p. 342].

Давая картину ужасов войны, автор, нанизывая один синоним на другой, выражая одно и то же понятие шестью разными словами, нагнетает атмосферу напряжения, передаёт своё негодование по поводу происходящего. Тесному объединению элементов способствует наличие одного общего модификатора «violently», характеризующего процесс варварского уничтожения людей. Бессоюзное соединение элементов-синонимов в конвергенции, способствуя созданию в СФЕ энергичного ритма, полагает передать взволнованность, напряженность высказывания, делает его предельно динамичным. Создается впечатление, что вся конвергенция должна произноситься на одном дыхании.

Употребление слов, близких по смыслу, несет и важную экспрессивную функцию, функцию подчёркивания передаваемого в СФЕ содержания. Крайним случаем смыслового сближения элементов синтаксической конвергенции в ССЕ является повтор:

Andrew was highly diverted with himself.

He was winning, winning, winning [II, p. 292].

Для передачи основной идеи достаточно было бы одного элемента. Но троекратный повтор не несет избыточности информации. Простое повторение слова несколько раз делает его неравным самому себе.

В результате такого повтора:

1) фиксируется внимание читателя на наиболее важном в сообщении (один из приемов внешнего обозначения ремы высказывания),

- 2) передаётся состояние взволнованности героя,
- 3) необычность фразы позволяет сделать вывод о наличии элементов несобственно-прямой речи в предложении.

Однако часто элементы конвергенции являются в СФЕ семантически близкими («аллонимами») благодаря тенденции употребляться в определённом контексте в определённой последовательности. Сопутствуя тому или иному слову, аллоним указывает, какая сторона в семантике предшествующего слова наиболее существенна в данном контексте. Элементы некоторых конвергенций первого типа СФЕ, взятые вне контекста, являются семантически разноплановыми. Но в результате постоянной встречаемости с одной и той же осью, в подобных контекстах, они воспринимаются как постоянные характеристики, присущие определённым образом, понятиям, идеям. Конвергенции этого подтипа СФЕ ближе стоят к конвергенциям второго типа:

№5. *Bright and cold, or wet and windy, the October days went by in Edinburgh* [III, p, 123].

Все четыре определения характеризуют качества, присущие осени, неотделимые от этого понятия. Ввиду постоянной совместной употребляемости они уже воспринимаются как своего рода штампы.

Конвергенции этой группы СФЕ играют большую роль в выявлении определённого значения многозначного слова. В этой связи можно привести высказывание Н.С.Трубецкого, который, говоря о разграничении звуковых комплексов в непрерывном потоке речи, пишет: «Возможность недоразумений, как правило, крайне незначительны, главным образом потому, что при восприятии любого языкового выражения мы обычно уже заранее настраиваемся на определённую, ограниченную сферу понятий и принимаем во внимание только такие лексические элементы, которые принадлежат этой сфере [Цит. по: 26, с.215].

Созданию этой сферы наряду с предшествующим контекстом и способствует конвергенция, с помощью которой в СФЕ выделяется или

уточняется значение неоднозначного слова. При этом, чем больше членов перечисления, тем меньше возможность «недоразумений», о которой говорит Н.С.Трубецкой [См. дальше:, с. 216].

К типу синтаксических конвергенций СФЕ с элементами одной семантики относятся к конвергенции, имеющие характер перечисления объектов (идей) одного плана. Чаще всего такая конвергенция в СФЕ встречается при описаниях.

№6. Robert would lay the table for breakfast, bring in those piping scones, the clutch of eggs, the glass dishes of honey, jam and marmalade, the bowl of peaches, the cluster of purple grapes with the bloom upon them still, hot from the greenhouse [IV, с.209].

Подробное описание завтрака, довольно длинное (с добавочной конвергенцией в середине основной) перечисление подаваемых блюд создаёт впечатление наглядности; однако распространённость конвергенции не затрудняет восприятие благодаря ритму, создаваемому употреблением «of – phrases».

Итак, употребление ряда семантически близких слов воспринимается как подчеркивание, нюансирование, а также снимает многозначность каждого из элементов и слово доходит до читателя в определённом значении, чем достигается точность, надёжность сообщения.

Общий эффект синтаксической конвергенции СФЕ первого типа – линейный, так как определяя образ (идею) по-разному, но в одном семантическом плане, они, тем не менее, не способствуют рельефности образа который характерен для конвергенции СФЕ следующего (второго) типа.

Эффект объёма выразительных возможностей СФЕ создаётся также посредством таких конвергенций, которые базируются на семантической разноплановости, на совмещении в одной конвергенции, для создания одного образа семантически далёких (порой даже несовместимых) понятий. От читателя требуется интеллектуальное усилие, чтобы синтезировать их в один

образ, чтобы воспринять идею во всей сложности её характеристик, а это, вместе с эффектом неожиданности, вызванным сближением в СФЕ этих разноплановых понятий в данной конвергенции, способствует созданию стилистического эффекта большой силы.

Среди синтаксических конвергенций этого второго типа СФЕ можно выделить следующие подтипы:

1) Конвергенции, в которых наряду с элементами, обозначающими конкретные понятия, встречаются абстрактные элементы, и наоборот. Ср. ССЕ:

But still he strummed on, and his mind wandered in and out of poultry and politics, Old Frosty, Foggartism, and the Ferrar girl – like a man in a maelstrom whirling round with his head just above water [II, c.99].

Члены конвергенции в этом предложении подобраны так, что в СФЕ неизбежно возникает элемент неожиданности, непредвиденности, начиная с сопоставления первых двух элементов, обозначающих несовместимые понятия, - одно конкретное “poultry”, другое “politics” абстрактного содержания, принадлежащее к кругу понятий, далёких от первого, что производит комический эффект.

Общей чертой этой комбинации является созвучность этих двух слов (повторение p, l, t, i). Эти два элемента стоят обособленно от последующей части конвергенции, где эффект неожиданного, непредвиденного сохраняется благодаря сопоставлению всех четырёх последующих членов, основанному на аллитерации.

Определённая последовательность во второй части конвергенции создаёт в СФЕ ритмическую мелодию, любая перестановка элементов ведёт к её нарушению.

Кроме того, элементы конвергенции получают и определённую эмоциональную окрашенность (что обусловлено, в основном, их подбором), мягкую иронию в описании героя.

Однако как бы ни были несовместимыми на первый взгляд эти понятия, и их выбор вполне обоснован – именно обо всём этом думал Майкл Монг, именно это его занимало: а соответственное расположение элементов помогает воспроизвести естественный процесс мышления. Майкл не может сосредоточиться на чем-то, и глагол “wandered in and out” метафорически подчёркивает это.

2) В конвергенцию элементов с более или менее частным, конкретным значением вводятся слова, имеющие общее значение, допускающие разные интерпретации. Читатель, таким образом, вовлекается в сотворчество, предоставляется свобода его воображению.

Естественно, что это не свойственно конвергенциям первого типа в связи с их семантической одноплановостью, где окружение выявляет, подсказывает, конкретизирует тот или иной образ, создаваемый словом в СФЕ:

№ 8. This was the snug: a warm, noisy, mysterious, adult place [I, с. 23].

Употребление наряду с конкретными элементами «warm», «noisy» - воздействующими на чувства читателя, слов с более общим значением «adult» и особенно «mysterious», - вовлекающими интеллектуальное восприятие, позволяет читателю интерпретировать, представлять эту картину по-своему, согласно собственным ассоциациям, воспоминаниям, связанным с этими словами, что стимулирует читательскую активность в восприятии текста на уровне СФЕ.

Крайним случаем обобщения понятия в СФЕ является употребление в ряду элементов конвергенции местоимений, которые заменяя «конкретные слова - образы»:

1) обобщают, заставляя читателя воссоздать ту или иную картину, наполнить её конкретным содержанием;

2) содействуют «спаянности текста», обеспечивают тесную связь данного предложения с контекстом, т.е. имеет место синсемантика отдельных слов в СФЕ в целом:

№ 8-a 1) «I say, old boy, you have spread yourself», said Beatrice, “new curtains, new beds, new everything”. [I, 121].

Читателю предоставляется домыслить то, что скрывается за словом «everything».

2) Sometimes she would stretch, cat – like, and smile slowly as if she found us and the classroom and education amiable but ridiculous [III, p.227].

Вне контекста СФЕ малопонятно, что объясняется, в частности, употреблением местоимения «us» в конвергенции (употребление местоимений в качестве элементов конвергенций нередко наблюдается у Голдинга).

3) Наряду с эмоционально и стилистически нейтральными словами – членами конвергенции в ней могут быть и стилистически или эмоционально окрашенные элементы СФЕ. Маркированный элемент в такой конвергенции или воздействует на всю конвергенцию СФЕ (принцип иррадиации), придавая ей ту или иную стилистическую (эмоциональную) окрашенность, или же создаёт в СФЕ комический эффект (это имеет место в так называемых смешанных группировках – фрагментах СФЕ:

№9. For him there was no reason why Fleur should not know as many aristocrats, Zabour members, painters, ambassadors, young fools, and even writing fellows, as might flutter her fancy [I, p. 44].

Первые четыре элемента конвергенции СФЕ, в общем – то обычное перечисление гостей, бывших у Флер, настраивает читателя на ожидание последующих элементов того же рода.

Однако “young fools” – выражение явно сниженного лексического слоя приводит к эффекту обманутого ожидания, который далее подкрепляется (усиливается) выражением «writing fellows» употребленным в СФЕ с интенсификатором “even”.

Тем самым в СФЕ создаётся двойной эффект: ощущается ироническое, даже пренебрежительное отношение Сомса к гостям («writing fellows») и

возникает более мягкое, но также ироническое отношение читателя к самому Сомсу .

4. Все члены конвергенции в СФЕ – абстрактные или конкретные, не принадлежат к разным семантическим планам. Этот, как и предыдущей, вид конвергенций нередко служит для создания в СФЕ такой фигуры речи, как зевгма. Этот подтип наиболее многочисленный. Вот образец СФЕ, не требующий каких-либо комментариев:

№10. And he was equally good with mare, cow or woman [IV, p. 8].

5. Интерес представляет смешение имён собственных и нарицательных в одной конвергенции (см. пример 5), особенно если собственные имена находятся в соположении со словами, имеющими в СФЕ общее или абстрактное значение.

6. Большие стилистические возможности в СФЕ представляет подтип конвергенции второго типа, в котором элементы употреблены в переносном значении:

№11. He halted in the district where by night are found the lightest streets, hearts, vows, and librettos [I, p. 67].

Глагол «to find», являясь осью четырёх элементов конвергенции, в первом и последнем случае реализует в СФЕ своё основное, прямое значение, тогда как со вторым и третьим элементом употребляется в переносном значении. В СФЕ налицо явная логическая несовместимость элементов принадлежность их к разным семантическим планам. Это вызывает удивление читателя.

Кроме того, ему уже необходимо восстановить образа, «зашифрованные» переносом значений в метонимиях «hearts», «vows».

А в примере 12: «The clever, unscrupulous, ridiculous voice murmured on» [II, с.88] читателю предстоит соотнести определения голоса с его обладателем.

Говоря, о синтаксических конвергенциях первого и второго типов СФЕ мы постоянно подчёркиваем их ритмический характер. Синтаксические

конвергенции различны уже благодаря своей многочисленности и наличию пауз между элементами СФЕ.

Усилению ритмичности синтаксических конвергенций ССЕ способствует и ряд дополнительных факторов:

1. Особая синтаксическая и морфологическая организация элементов:
  - а) попарное соединение элементов (см. пример №5);
  - б) структура элементов, выраженных сложными словами, типа:
“I’m! A long – lipped, long – eye lashed, long – chinned face: a man of his own caliber, education and probity” [II p. 157].
2. Бессоюзные соединения элементов (асидетон; см. примеры №№3, 8а, 4).
3. Многосоюзие (полисиндетон; пример 8 а).
4. Многократное употребление детерминативов.
5. Звуковое оформление цепочки (в основном аллитерация; примеры №№7,5).
6. Повторы (примеры №№ 8 а – 1,4)

3.2. Анализ сверхфразового единства методом синтаксического сцепления

Метод сцепления, предложенный американским исследователем М.А.Холлидеэм [184, с.114] является одной из попыток найти объективный лингвостилистический метод анализа текста (у него текста поэтического). Он рассматривает поэтический текст как особого рода единство, которое достигается с помощью специфических структур, так называемых «сцеплений» [Термин “couplings”, русский эквивалент «сцепления» предложен И.В.Арнольд].

По его мнению, именно сцепления создают целостность и гармонию поэтического произведения. Сцепление является причиной того, что стихи надолго остаются в памяти людей.

Поэтическое сцепление черпает силы из отношений между его членами, которые появляются в сообщении. Элементы сцепления всегда позиционно эквивалентны в сообщении и естественно эквивалентны в коде. При этом под «кодом» следует понимать не обычный лингвистический код, а подход, в котором классы языковых единиц и текстовых фрагментов образуются на основе семантической или фонетической эквивалентности.

Чаще всего элементы могут быть позиционно эквивалентными на синтаксической или метрической оси. Под естественной эквивалентностью понимается семантическая и фонетическая эквивалентность. Необходимым и достаточным условием поэтического сцепления является наличие семантической и (или) фонетической эквивалентности и позиционной эквивалентности на синтагматической или метрической оси.

Важным моментом в создании художественности считается умелое использование сцеплений. Чрезмерное количество эквивалентных структур может привести к банальности. Как образец удачного использования данного явления автор приводит четверостишие Эмили Диккинсон:

Time is a test of trouble,
But not a remedy.
If such it prove, it prove too
There was no malady [См.: 86, p.251].

“Remedy” и “malady” образуют поэтическое сцепление. Они эквивалентны семантически и фонетически и находятся в эквивалентных позициях на метрической оси. [На ней позициями считаются те места, на которые падает метрическое ударение, и те, где метрического ударения нет. В этом и усматривается метрическая позиционность].

Эти слова семантически эквивалентны в том отношении, что они принадлежат к медицинским терминам и употреблены в данном тексте в переносном смысле.

“Remedy” и “malady” эквивалентны и фонетически, так как они образуют рифму.

Позиционная эквивалентность заключается в том, что в обоих случаях метрическое ударение падает на первый слог, два других слога неударны. Третья строка не повторяет размера первой, и это вносит разнообразие в структуру стиха.

Следуя вышеизложенному методу, можно усмотреть эквивалентность первой и третьей строк в том, что они занимают идентичные позиции в тексте, точно так же, как и вторая и четвёртая строки. Но первую и третью строки нельзя считать сцеплением, так как они семантически не эквивалентны.

Таким образом, использование сцепления в данном четверостишии делает его поэтическим и способствует на основе СФЕ быстрому запоминанию стиха. При этом система морфемных вариаций, которая соответствует системе вариант в окружении (и отсюда структурному значению), есть парадигма.

Такие классы выбираются из любого лингвистического окружения. Например, формы “happy”, “sad” и “kind” могут появляться в окружении суффикса -ness. В этом отношении они являются членами одной и той же парадигмы. Но они станут элементами сцепления в том случае, если будут эквивалентны и позиционно.

В принципе можно выбрать столько парадигм сколько позволяют характеристики элементов парадигм в соответствующем окружении.

Можно строить парадигму из существительных, глаголов, из определений морфологических классов (например, деривационных суффиксов), из определённых конструкций (например, предложных групп, придаточных предложений).

Парадигмы, или классы, выделяются в соответствии с тем, каким образом их элементы располагаются в высказывании, т.е. в соответствии с их позицией, т.е. таких мест в речевой цепи, где возможна взаимозамена. Две позиции являются эквивалентами, если они допускают в составе СФЕ одну и ту же взаимозамену. Эквиваленты поэтому идентичные позиции, например,

позиции после NV. Эквивалентными могут быть позиции в одной и той же конструкции (например, NVN две N позиции эквивалентны). Эквивалентными являются также соответствующие позиции в обратных трансформациях, например, в конструкциях NV – N (предложение) и N's Ving N (именная группа).

В подобных парадигмах эквивалентность форм устанавливается в соответствии с позициями, которые элементы этих парадигм занимают в лингвистическом окружении.

Формы парадигм должны иметь ещё один тип эквивалентности, естественный тип или семантический и фонетический тип эквивалентности.

Две формы считаются семантически эквивалентными, если они связаны по значению или относятся к одному общему понятию в данном окружении.

Две формы являются фонетически эквивалентными, если они имеют общие характеристики в данном текстовом континууме.

Семантические парадигмы не обязательно строятся по принципу сходства, но и по принципу различия, так что членами одной и той же парадигмы могут оказаться слова, выражающие положительное и отрицательное, истинное и ложное и т.д. В таких случаях эквивалентность состоит в том, что разные слова относятся к одному общему понятию. Например, “happy”, и “sad” оба означают душевное состояние; “night” и “day” относятся к суточному отрезку времени и т.д.

В случае фонетической эквивалентности устанавливаются идентичные фонетические характеристики. В поэтическом анализе сущностна не фонетическая позиционность, а эквивалентность таких явлений, как разделение на слоги, рифма, аллитерация и т.д. [27, с. 244].

Таким образом, существует два способа определения эквивалентности форм применительно к структуре СФЕ:

1) две формы могут быть эквивалентными по отношению к лингвистическому окружению, в котором они появляются; этот тип эквивалентности называется позиционным;

2) две формы могут быть эквивалентными по отношению к семантическому или фонетико-физиологическому континууму; это – естественный тип эквивалентности.

При анализе поэтических текстов важно иметь в виду [кроме синтагматической позиционности] позиционность на метрической оси. В поэтическом тексте семантические и фонетические эквиваленты не всегда находятся в эквивалентных синтагматических позициях, особенно в небольших стихотворениях. В таких случаях позициями становятся места, на которые падает метрическое ударение, или безударные положения [35, с. 152].

Предлагаемый метод сцепления применим только при анализе поэзии, так как в отличие от прозы поэтический текст обладает особой формой межфразового единства.

Такое противопоставление прозы поэзии кажется нам неправомерным, ибо художественная проза, в особенности проза ритмическая, обладает поэтичностью не в меньшей степени, чем стихи. Общий принцип организации ритмической прозы тот же, что и в стихах. Основное различие состоит в том, что в прозе отсутствует размер и рифма. Не наблюдается (по данным ССЕ) также такой регулярности синтаксического членения, как это бывает в поэзии, прежде всего в рифмованной поэзии.

Попытаемся показать действенность метода сцеплений при анализе СФЕ из текста ритмической прозы. Метод сцепления интересен для ритмической прозы, прежде всего потому, что он действует в СФЕ не только внутри предложений, но распространяется и на отрезки больше, чем предложения. Он позволяет устанавливать эквивалентность не только внутри предложений, но и эквивалентность предложений на уровне текстов.

Поскольку основным ритмообразующим фактором прозы является синтаксическая структура, то при анализе текста ритмической прозы дело имеет в основном с установлением в СФЕ эквивалентности синтаксических групп.

Текст для анализа взят из [Ш, с.117]:

(1) There was a cold night smell in the chapel.

(2) But it was a holy smell.

(3) It was not like the smell of the old peasants who knelt back of the chapel at Sunday mass.

(4) That was a smell of air and rain and turf and corduroy.

(5) But they were very holy peasants.

(6) They breathed him on his neck and sighed as they prayed.

(7) They lived in Claine, a fellow said:

there were little cottages there

and he had seen a woman

standing at the half – door of a cottage with a child in her arms.

as the cars had come past from Sallins.

(8) It would be lovely to for one night in that cottage

before the fire of smoking turf,

in the dark lit by the fire,

in the warm dark,

breathing the smell of the peasants, air and rain and turf and corduroy.

(9) But O, the road there between the trees was dark!

(10) You would be lost in the dark,

(11) It made him afraid to think of how it was.

Из 11 предложений контекстуально развёрнутого СФЕ – 7 простых распространённых предложений, одно простое нераспространённое и 3 сложных структуры. Форма выражения мысли, не отягощённая сложными конструкциями синтаксическая организация СФЕ, вполне соответствует образу мышления персонажа (мальчика – подростка).

В СФЕ наблюдается определённая закономерность расположения синтаксических структур, в особенности в начале единства, что способствует созданию равновесия и ритмической прозы. За двумя простыми распространёнными предложениями следует одно небольшое сложноподчинённое, которое, в свою очередь, смеётся двумя простыми распространёнными предложениями. Далее в СФЕ идёт снова небольшое сложноподчинённое предложение. К середине СФЕ происходит усложнение синтаксической структуры вместе с усилением эмоциональности высказывания и нарастанием динамичности движения потока мыслей персонажа. Об этом свидетельствуют причастные конструкции, перечисления и повторы в седьмом и восьмом предложениях. Мальчику хочется убежать от этих холодных стен церкви, от школы – домой, к теплу. Воображение мальчика рисует картину домашнего уюта в крестьянском доме, - стоило только ему подумать о крестьянах, которые молились в церкви. Конец текста – это опять простые структуры, которые своей лексичностью снимают то напряжённое движение ритма, характеризующее седьмое и восьмое предложения. Вспомнив, что сейчас ночь, мальчик успокаивается тем, что ночью в лесу можно заблудиться. Его детское воображение уже рисует тёмный лес и дорогу через лес. Тут он закрывается с головой простыней и засыпает.

Если рассматривать предложение как единое целое по отношению ко всему СФЕ, то можно выделить пары сцеплений на уровне предложений. Например, второе и пятое предложения, представляющие собой пример сцепления, можно рассматривать как эквиваленты в тексте в соответствии с позицией, которую они занимают: каждому из них предшествует простое предложение и за каждым из них следует сложноподчинённое предложение. Эти предложения могут быть рассмотрены также и как семантические эквиваленты [персонаж (мальчик) пытается разобраться в понятии святости]. Происходит противопоставление смыслов – всё – таки мальчику более

симпатичны святые крестьяне, чем святая церковь: “But it was a holy smell”, “But they were very holy peasants”.

Эти предложения можно представить следующим образом:

But – it VP

But – they – VP

Внутри самих структур есть пары сцеплений, которые и делают отрывок поэтическим и являются точками симметрии по отношению ко всему тексту. Очевидно, что элементы “but” и “but” эквивалентны и семантически и фонетически, так как они тождественны. Позиционная эквивалентность данных форм заключается в том, что они занимают эквивалентные позиции в предложениях, они стоят после нулевых позиций. Формы VP также образуют сцепление благодаря позициям после подлежащих и благодаря тому, что они относятся к одному общему понятию (понятию святости), хотя налицо и различие смыслов – противопоставление святости церкви святости крестьян.

Таким же образом можно проанализировать первое и четвёртое предложения и найти их эквивалентами сцепления, а также третье и шестое.

Структура седьмого и восьмого предложений резко отличается от структуры предыдущих предложений, своей сложностью, указывая на характер высказываемой мысли (эмоциональность, динамичность) и внося разнообразие в ритмическую организацию данного отрывка:

They lived in Claine, a fellow said: there were little cottages there and he had seen a woman standing at the half – door of a cottage with a child in her arms as the cars had come past from Sallins. “It would be levelly to sleep for one night in that cottage before the fire of smoking turf, in the dark lit by the fire, in the warm dark, breathing the smell of the peasants, air and rain and turf and corduroy” [II, c. 159].

Нельзя сказать, что эти предложения являются сцеплением, так как по своей структуре они различные. Они скорее создают симметричность в СФЕ. Некоторые формы этих предложений имеют соответствия в других

предложениях и представляют собой сцепления, связывающие текст и по форме и по содержанию.

Например, “They lived in Claine...” и “They breathed behind him” имеют сцепления “They” и “they”, “lived” и “breathed”. “They” и “they” имеют идентичные характеристики и семантически, и фонетически, позиционно. “Lived” и “breathed”, хотя и различные по значению, могут быть подведены под общее понятие, характеризующее крестьян. Позиции их также эквивалентны, они стоят после подлежащих.

В восьмом предложении “before the fire of smoking turf”, “in the dark lit by the fire” и “in the warm dark” образуют сцепления, ибо все они занимают одинаковые позиции по отношению к “it would be lovely to sleep for one night in that cottage” и относятся к одному общему понятию тепла и домашнего уюта.

Девятое, десятое и одиннадцатое предложения не имеют эквивалентов на уровне предложения (имеется в виду структура предложения), кроме эквивалентности по типу предложения. Наличие неэквивалентных синтаксических структур в тексте свидетельствует о нерегулярности синтаксического членения в прозе, необходимого для создания разнообразия. Связь заключительных предложений с содержанием текста осуществляется в основном через лексический повтор “dark” и семантическое единство слов “dark” и “cold night”.

Таким образом, в ритмической прозе явление эквивалентности в СФЕ играет также существенную роль. Прежде всего, сцепления создают поэтичность высказывания и, чередуясь с неэквивалентными структурами, способствуют ритмической организации СФЕ и прозаического текста в целом.

3.3. Редупликационный анализ сверхфразового единства

Одной единице плана содержания могут существовать несколько единиц плана выражения, т.е. одно означаемое может иметь более одного означающего.

Наиболее типичны случаи СФЕ, в которых единицы плана выражения синтагматически смежны, что свидетельствует о глубине означаемого. СР.:
Случай, когда синтагматическая семантическая смежность представляет собой тип семантической редупликации (или повтора): “A new thought suddenly occurred to her. “Perhaps he wants me to die. To die, not to be” [II, p.140].

Лингвистическую обусловленность семантической редупликации и причину её появления в контексте целесообразно демонстрировать на многозначных единицах. Это не случайно: «Слово, обладая несколькими значениями, может не сразу быть точно понятно, вследствие чего оно как бы призывает себе на помощь синонимического своего партнёра, который и показывает, в каком из значений слово выступает в данном случае его употребления» [85, с.101].

На актуальность рассмотрения явлений типа семантической редупликации указывает и замечание вроде следующего: «Использование фактов контекстуальной или речевой синонимии (под которой на лексическом уровне понимается синонимическое употребление двух или более слов, а также двух или более словосочетаний в данном контексте в пределах одного или нескольких предложений) даёт возможность описать не только традиционно устоявшиеся синонимические связи между словами, т.е. факты языковой синонимии, но и установить возможные в речи синонимические связи между словами одной части речи, словом и словосочетанием» [87, p.228].

Между семантически однородными членами СФЕ существуют три типа отношений: свертывание, развёртывание и семантическая эквивалентность, каждый из которых представляет собой внутриязыковой перевод [34, с.6].

Семантическое свёртывание: структура значения второго компонента полностью укладывается в значении первого, второй компонент специфицирует, точно определяет смысловую нагрузку предыдущего.

I wasn't under his thumb. I could go away and leave him [I, p.140].

Let us be honest and call things by their true names [II, 172].

You know, Mr. Poirot, the poor girl in quite under his thumb.

She does anything he tells her [III, p. 114].

Роль внутриязыкового перевода особенно существенна там, где говорящий (пишущий) стремится раскрыть, разъяснить значение слова (словосочетания), индивидуализируя его в семантически желаемом направлении.

Чтобы убедиться в этом, сравним следующие образцы СФЕ:

In a very few moments Mr. Swiller was fast asleep, dreaming that he had married Nelly Frent and come into her property and that his first act of power was to lay waste the market garden of Mr. Cheggs and turn it into a brick – field [IV, p.177].

“Really, really!” Mr. Quarles had sufficiently recovered himself from his first of horrified surprise to be able to protest. This was terrible, unheard of. He felt himself being devastated, laid, waste to, ravaged [IV, p.201].

Под семантическим развертыванием понимается переход от менее ёмкой семантической структуры к более ёмкой. Последующее не только повторяет предыдущее в семантическом плане, но и содержит какие – либо дополнительные семантические множители:

Think of that awful incapacity to call a spade a spade, just pretending, just lying to himself as usual [IV, p 184].

Sometimes I think she's not right in the head. She's so peculiar. She really looks sometimes as though she's not all there [III, p.].

При семантической эквивалентности не приходится говорить ни о свёртывании, ни о развёртывании, порядок следования компонентов несущественен, ибо их семантические структуры одинаковы:

The rich refuse to accept unpleasantness; they write letters to THE TIMES about it, they pull wires, use influence, and lodge formal complaints with an always friendly police [I, p. 127].

She stood listening to it and wondering about the man, who had suddenly, out of the blue found his way into her life [X, p.17].

...Who out of the blue, quite suddenly opened the door, and the girl entered [III, 188].

She tells fortunes and prophesies the future [III, 191].

Как видно из приведённых СФЕ, явление семантической редупликации встречается у разных авторов, а имеющиеся в нашем распоряжении картотека позволяет утверждать, что данное явление широко распространено в языке английской литературы.

Наряду с уже упоминавшимися причинами таких повторов отметим также ещё следующие: колебания, присущие мысли в процессе её спонтанного зарождения; наплыв чувств, сопровождающих речь; потребность довести свою мысль до слушателя сразу и в наиболее полном виде и усиление эмоционального воздействия на слушателя или читателя.

В чисто языковом плане семантический повтор оправдан в силу ряда эффектов, достигаемых за счёт соположения семантически однородных членов. Эти эффекты разнообразны и часто весьма неожиданны. Однако характер их разнообразия вполне обозрим.

Проиллюстрируем основные из актуализируемых эффектов при использовании СФЕ.

Градация. Образующие семантический повтор слова или словосочетания создают эффект усиления, подчёркивания. Но следует иметь в виду, что градация не обязательно является восходящей, нарастающей. Одно и то же качество, одна и та же характеристика могут быть сначала выражены самым «сильным» компонентом за которым следует серия более «слабых». Чтобы убедиться в этом, сравним примеры:

I love him. I'm devoted to him. I'd do anything in the world I could for him [V, p. 202].

He knew that she did not love him. She had not even a fancy for him. She liked him because he was a gentleman and well – dressed [V, p. 190].

I like you, I'm very fond of you, but for goodness' sake don't envelop me in love [I, p.14].

Построенный по признаку усиления ряд like smb // have a fancy// be fond//love// be devoted to smb. оказывается разделённым посередине, но и в первом и втором примерах отсчет ведётся от love в направлении, прямо противоположном тому, какой принять в третьем.

Интерпретация. Второй компонент семантической редупликации служит интерпретацией английского слова низкой частотности:

It would have seemed to her something shameful – a kind of blasphemy, a denial to what was holy [I, p. 34].

Когда говорящий употребляет сленг и не уверен, что его поймут, он повторяет свою мысль в не сленговых словах:

Where year is digs, mate? Where do year live? [III, p.119].

I suppose I should scram, Brian thought. If they are courting I ought to leave them alone [III, p.187].

Эмоция, сопровождающая выражение мысли:

You make me sick. The sight of you mates me sick. You make me queasy at the stomach with your suave, false little looks [I, p.44].

She's always told me she's told me time and again that I must never let Cissy off the leash (M. Shorer).

But your gardens I admire. I sit at your feet [III, p. 12].

Особо отметим семантический повтор, служащий средством пародирования речи собеседника:

- You are imagining things, Mademoiselle.

-No, I am not imagining things at all. But it seems to me that a lot of time is wasted by not speaking the truth – by beating about the bush instead of coming straight out with things.

- And you do not like the waste of time. No, you like to come straight to the point. You like the direct method [III, p.138].

Как видно компоненты семантического повтора используются в СФЕ тексты в месте, чтобы как можно полнее обрисовать признак, так как каждый из них в отдельности не характеризует его достаточно точно. Именно в этом смысле высказывался С.Ульман: «Отдельные слова под влиянием других, входящих вместе с ними в перечисление, иногда участвуют в характеристике явления только одним из оттенков своего значения» [87, p.138].

Когда отдаётся предпочтение совместному употреблению сходных по значению слова и словосочетания, то это значит, что только тем или только другим автор не может передать того же объёма информации. В случаях их соположения мы, по-видимому, выходим за пределы суммы их отдельных значений: в СФЕ создаётся новое значение как обобщение исходных частных значений [87, с. 234 - 235].

3.4. Синтактико-текстовый анализ сверхфразового единства

Сквозное сцепление в СФЕ предложений – конститuentов абзаца – в единое целое осуществляется при помощи различных языковых средств.

Изучением средств связи между предложениями, входящими в сложные синтаксические комплексы, занимался целый ряд исследователей.

Особое место среди них занимает исследование в рамках психолингвистики. В огромном большинстве художественных описаний имеется контекстное подлежащее, стоящее над внутри – фразовыми подлежащими и объединяющие их. Контекстное подлежащее не обязательно присутствует в начале описания, но должно быть установлено на основе внутрифразовых подлежащих и внутренних семантических связей между последними. Причём внутренняя связь между фразами есть отнесённость.

Это означает, что фразы, сохраняя свою обособленность, организованы в одно сложное и вместе с тем расчленённое целое [31, с.228].

Если принять художественное произведение за макросистему, то абзац – это микросистема, обладающая отдельными характеристиками макросистемы [29, с. 101].

Средства связи между предложениями внутри абзаца – одно из средств создания определённой образной системы. Их нельзя рассматривать изолированно от содержания абзаца. Они являются принадлежностью образной системы. Важным моментом здесь является способ передачи смысла от предложения к предложению [39, с. 134]. Наиболее очевидным способом является повторение в связном тексте одинаковых или семантически близких понятий (семантических объединителей) [41, с 104].

Сквозное сцепление всех компонентов СФЕ абзацного объема осуществляется средствами как имплицитной, так и эксплицитной связи. Под имплицитным сцеплением предложений понимается внутренняя семантическая связь, вскрываемая контекстологическим анализом.

Под эксплицитным сцеплением предложений – использование всевозможных формально-связующих элементов [40, с. 115].

В раскрытии имплицитных связей в ССЕ-абзаце помогает анализ текста при помощи лексической тематической сетки.

Лексическая тематическая сетка – это совокупность общих компонентов в составе денотативных и коннотативных значений ряда слов, пронизывающих абзац.

Под лексическими связями понимаются отношения синонимии, антонимии, морфологической производности и вообще любые отношения, при которых сопоставляемые слова обладают каким – ни будь видом семантической общности [36, с.12].

Лексико-тематический анализ СФЕ-абзаца заключается в выявлении опорного слова и его синонимических соответствий. Сцепляющим средством может быть и любое повторяющееся слово, которое, появляясь на

значительном расстоянии от первого, образует с ним дистантную связь. [37, с.40].

Анализ при помощи лексической сетки не вскрывает всех средств связи, имеющих в том или ином абзаце. Поэтому он должен быть дополнен и другими данными, полнее раскрывающими всё многообразие связей в абзаце.

Абзацное СФЕ проанализируем в контексте в [I, p.7], где абзацное СФЕ – описательно-повествовательное. Рассказ ведётся от лица Генри.

When I came back to the front we still lived in that town. There were many more guns in the country around and the spring had come. The fields were green and there were small green shoots on the vines, the trees along the road had small leaves and a breeze came from the sea. I saw the town with the hills and the old castle above it in a cup in the hills with the mountain beyond, brown mountains with a little green on their stories. In the town there were more guns, there were some new hospitals, you met the British men and sometimes women, on the street, and sometimes women, on the street, and a few more houses that had been hit by shell fire. It was warm and like the spring and I walked down the alleyway of trees, warmed from the sun on the walls and found we still lived in that same house and that it all looked the same as when I had left it. The door was open, there was a soldier sitting on a bench outside in the sun, an ambulance was waiting by the side door and inside the door, as I went in, there was the smell of marble floors and hospital. It was all as I had left it except that now it was spring. I looked in the door of the big room, and saw the major sitting at his desk, the window open and the sunlight coming into the room. He did not see me and I did not know whether to go in and report or go upstairs and clean up. I decided to go upstairs.

Это СФЕ-абзац типа «повествующий монолог» с темпоральным элементом в верхней границе.

Темпоральным элементом является в этом случае обстоятельство придаточное предложение времени “When I came back”. Оно детализирует повествование во времени и является одним из средств деления всего повествования на абзацные СФЕ.

Рассматриваемое абзацное СФЕ многоплановое. Установление темы столь композиционно сложного ССЕ, его многоплановости и общего модального тона производится с помощью лексической тематической сетки [44, с.12].

Если составить цепочку слов, близких по своему денотативному значению или коннотативным обертонам, участвующих в создании единого образа [43, с.4], то получится следующая картина:

1) front – guns – hospitals – the British men – hit by the shell fire – a soldier – an ambulance – the major.

Даже вне контекста эти отдельные слова легко объединяются в ССЕ цельным понятием, а именно концептом «война». Это – одна из тем абзацного СФЕ. Словосочетание «the British men» включается в эту цепочку благодаря своему коннотативному значению: англичане в Италии в то время тоже ассоциировались с понятием «война», ибо были союзниками Италии и воевали против австралийцев. Таким образом, один план абзацного СФЕ, одна его тема – концепт «война». Но это не все в семантико-повествовательной структуре рассматриваемого СФЕ. Вот ещё одна другая цепочка:

2) small green shoots of the vines – small leaves – small leaves – a little green on the slopes – warm and like the spring – warmed from the sun – now was spring – the sunlight.

Денотативные и коннотативные значения этой цепочки слов создают в СФЕ образ пробуждающейся природы, весны, мира. Это – второй план, вторая тема абзацного СФЕ.

Более того есть и ещё одна тема в СФЕ. Её подсказывает третья цепочка слов:

3) still ...in that town – around the town – in the town – still lived in the same house – the same as I had left it – all as I had left it.

Эти слова и словосочетания вызывают у читателя третий образ – образ города, как бы заставшего в ожидании чего-то. Контраст войны и весны в

спокойном, неизменившемся за время отсутствия героя рассказа городе придаёт всему контексту абзацного ССЕ определённый эмоциональный тон: спокойная мирная обстановка весеннего дня обманчива идёт война.

Таким образом, в анализируемом абзаце противопоставлены силы разрушения и созидания. Но эта антитеза имплицирована, и выявить её оказывается возможным только в результате тщательного - семантического анализа текста СФЕ.

Слова, вошедшие в эти три цепочки, - семантический стержень абзацного СФЕ. Они имплицитно связывают предложения, в которые они входят, в единое целое, поэтому можно считать семантическими объединителями компонентно сложного СФЕ абзацного объема [42, с.101].

Слово *spring* – целый образ; *warm, green, sunlight* - части целого образа.

То же самое в отношении слова *front*, которое объединяет понятия *gun, soldier, major, ambulance* и т.д. в единый образ.

Как видно тематическим стержнем в этом абзацном ССЕ являются понятия войны и мира, хотя эти концепты непосредственно не названы и складываются лишь из суммы значения слов, вошедших в перечисленные цепочки всего внутреннего контекста СФЕ.

Наряду с семантическими объединителями в придании абзацного СФЕ цельности участвуют и другие средства.

Прежде всего, сквозное сцепление создаётся благодаря параллельным конструкциям:

I came back (1-ое предложение);

I saw (4-ое предложение);

I walked down (6-ое предложение);

I went in (7-ое предложение);

I looked in (9-ое предложение);

I didn't know (10-ое предложение);

I decided (11-ое предложение);

Выделённые параллельные конструкции не только сцепляют абзацное СФЕ, но и придают определённую модальность повествованию: читатель воспринимает повествование через психологический настрой рассказчика.

В рассматриваемом абзацном ССЕ есть и другая группа параллельных конструкций:

there were many more guns (2-ое предложение);

there were small green shoots (3-е предложение);

there were more guns and there were some new hospitals (5-ое предложение);

there was the smell (7-ое предложение);

Эти конструкции скрепляют абзацное ССЕ в цельное образование и вносят в повествование ритмичность.

Наряду с параллельными конструкциями обращают на себя внимание в абзацном СФЕ тавтологические повторы некоторых предложений:

we still lived in (1-ое предложение);

we still lived in (the same house) (6-ое предложение);

I had left it (6-ое предложение);

I had left it (8-ое предложение);

Примечательно, что в компонентном сложном абзацном СФЕ повторы не следует один за другим, а разделены контекстом. Функция расчленённого повтора – в поддержании устойчивой связи отдельных моментов абзацного СФЕ для создания цельности изображаемой картины. Это тем более важно, что анализируемый абзац многоплановый [45, с.28].

Исходя из вышеуказанного следует особо заметить, что одна из отличительных черт СФЕ в объёме абзаца представляет собой структуриацию в виде внутреннего монолога.

В современной прозе внутренний монолог по своей важности стоит наравне с любой другой формой повествования. Языковое строение внутреннего монолога отражает психологические особенности внутренней речи. Внутренние монологи в тексте литературного произведения

представляют в каком-то отрезке времени поток сознания персонажа и раскрывают как бы изнутри его идейно – эмоциональный мир [51, с.58].

Существуют различные способы разграничения внешней и внутренней речи в тексте художественного произведения. В современной англоязычной прозе внутренняя речь рассказчика основного действующего лица романа или повести - не вкрапливается в общую ткань повествования, а оформляется во внутренние монологи, формой существования которых является абзац [52, с.88]. Например, это абзац плана рассказчика.

Структуру художественного текста можно описать, если фиксировать различные точки зрения, с которых ведётся повествование. Если повествование ведётся с точки зрения, одного какого-то человека, то одновременно и параллельно развиваются два тематических плана: план внешней действительности и план психологических процессов.

Эта форма повествования в лингвистической литературе известна под названием «сказ» или повествования от первого лица [47, с.86].

Основу повествования от первого лица составляет монологическая речь в её письменной форме. Внутри неё прослеживаются две формы монолога: повествующий монолог, отражающий план внешней действительности, и внутренний монолог, отражающий план психологических процессов [48, с.12].

Две формы монолога в текстовой структуре произведения выделяются в разные абзацы. Это даёт основание для соответствующей типологии абзацев, т.е. для вычленения абзацев типа «повествующий монолог» и абзацев типа «внутренний монолог» [50, с.21].

СФЕ – абзацы типа «внутренний монолог» своеобразны в своём построении. Они подготовлены предыдущим повествованием, но кажутся инородными вкраплениями в общей текстовой структуре произведения. Каждый из них посвящен своей мысли, своей теме. Их смысловая зависимость от предшествующего или последующего абзаца минимальна и выражается, в общем, с предыдущими абзацами места и времени действия.

Тематическая заданность абзацных СФЕ типа внутренний монолог определяет характер его структурных компонентов: верхней границы, темы и её развития нижней границы [46, с.70].

В верхней границе обычно выражена тема СФЕ – абзаца. Эта тема развивается в последующих предложениях. Но в результате своеобразия мыслительного процесса при говорении про себя мысль часто рассредоточивается. Спокойные рассуждения сменяются высказываниями эмоционально насыщенного плана. Одна мысль – тема, получив своё развитие в двух – трёх последующих предложениях, перебиваются другой и.т.д. В СФЕ абзаце возникает многотемье, которое полностью меняет структуру абзаца и влияет на характер нижней границы. Нижняя граница в абзацных СФЕ типа внутренний монолог с многотемьем логически оторвана от верхней в силу того, что они обычно принадлежат разным темам. Если представить СФЕ – абзац типа внутренний монолог с многотемьем формулой, то она имеет следующий вид:

$$\text{Абз (п)} = \text{Гр (в)} \longleftrightarrow \text{T 1(a)} + \text{T 2 (a)} \dots \longleftrightarrow \text{Гр (н)},$$

Где Абз (п) абзац полный; Гр (в) верхняя граница абзаца; Т (а)– тема абзаца; Гр (н) – нижняя граница абзаца.

Вышеотмеченная тенденция в развитии структуризации СФЕ абзацного объема приводит зачастую к формированию полученных единств, в которых рема ядра [начальный (первый) компонент СФЕ] становится темой всех периферийных компонентов.

Приведем показательный в этом отношении образец единства:

1. The attempt to seize the fire members was undoubtedly the real cause of the war.
2. From that moment, the loyal confidence with which most of the popular party were beginning to regard the King was turned into hatred and incurable suspicion.
3. From that moment, the Parliament was compelled to surround itself with defensive arms.

4. From that moment, the city assumed the appearance of a garrison.

5. From that moment, in the phrase of Clarendon, the carriage of Hampton became fiercer, that he drew the sword and threw away the scabbard.

6. For, from that moment, it must have been evident to every impartial observer that, in the midst of professions, oaths, and smiles, the tyrant was constantly looking forward to an absolute sway and to a bloody revenge [I, p.96].

В данном СФЕ периферийные компоненты [2,3,4,5 и 6] связаны с ядром единства логическими [причинно - следственными] отношениями. Все компоненты СФЕ, начиная со второго, соотносимы с первым компонентом посредством повторяемого слово – сочетания *from that moment*.

Относительная свобода компонентов в подобного рода полученных СФЕ выражается в том, что периферийные компоненты [в данном СФЕ – это 2,3,4 и 5] можно переставить местами, не нарушая ни структуры СФЕ, ни его смысловой значимости, ни языковых связей. Это возможно благодаря тому, что связь периферийных компонентов осуществляется в основном только с ядром СФЕ. При наличии более тесных связей между периферийными компонентами такая перестановка невозможна. В данном СФЕ этому препятствует союз *for* в шестом компоненте и наличие лексической связи между вторым и шестым компонентами *the King – the tyrant*. Поэтому благодаря наличию вышеназванных сегментных показателей связи место шестого компонента в СФЕ становится фиксированным.

Участвуя в контексте различных временных планов, грамматическая форма СФЕ может функционировать в рамках своего инварианта. Это относится к ядру функциональных микрополей прошедшего перфектного ретроспективного, повествовательного и суммирующего. Стилистико-композиционная нагрузка формы полностью совмещается с её доминирующим грамматическим значением [49, с.130].

Грамматическая форма прошедшего перфектного может создавать в СФЕ изобразительный эффект экранизации описываемых действий. В этом случае стилистические коннотации возникает в результате нестандартного

функционирования формы, когда её ведущее грамматическое значение нейтрализуется [53, с. 15].

Грамматическое время – лишь один из способов развёртывания сюжета во времени. Явления других уровней, взаимодействуя с грамматическими формами времени, передают сложный мир временных отношений в художественном произведении [55, с. 14].

Грамматическое время входит в определённый семантический комплекс, который рассматривается как функциональное микрополе, связанное сложными нитями с языком и речью [56, с.80]. Грамматическая форма является ядром этого поля, неграмматические элементы его периферийными элементами.

Функциональные микрополя описываются путём набора дифференциальных признаков, таких, как одновершинность/двухвершинность, автосемантичность / синсемантичность, эксплицитность/имплицитность.

Категории, выделяемых внутри функциональных микрополей СФЕ, такие как ретроспективность, - это текстовые категории, отличающиеся от морфологических категорий. Ретроспективность уже грамматической категории временной отнесённости, так как не входит в систему противопоставлений в структуре языка [57, с. 12].

Многочисленные СФЕ с сочинительной связью обладают большими стилистическими потенциями. Многие мастера прозы, умело используя этот приём, добивались предельной выразительности при осуществлении многообразного, разностороннего описания места действия, точной, глубокой характеристики действующих лиц, для выражения идей – словом, при отражении объективной реальности во всей её полноте и богатстве.

В работе делается попытка анализа техники этого приёма, даётся классификация сочетаний. Многочленные синтаксические единства рассматриваются с точки зрения времени их стилистической значимости.

Функцию многогранного отражения действительности СФЕ выполнить благодаря своей синтаксической природе. Многочисленные сочинительные сочетания – это ряд слов, групп слов и даже предложений, объединённых одинаковостью синтаксической функции.

Такие сочетания представляют собой синтаксически конвергенции. Слово же, по отношению к которому элементы конвергенции выполняют одну и ту же функцию, формирует ось конвергенции [60, с. 29].

Таким образом, выражаемую идею можно представить в виде сочетания: ось – элементы, где ось – величина неизменяемая, элементы же – идея изменяемая часть. Они могут определить ось как в одной плоскости (в случае семантически одноплановых элементов), так и в разных плоскостях (когда элементы семантически разноплановые).

Элементы конвергенции соединяются каждый с центром (осью) общностью грамматической функции и таким образом фокусируют внимание читателя на оси. Каждый элемент в соединении с осью рисует образ, который другие элементы дополняют, углубляют, завершают. Так достигается многостороннее, объемное отражение действительности.

При этом общий эффект не является суммой аффектов, производимых каждым элементом, а представляет собой результат сложных отношений взаимной зависимости («отношений интердепенденции» [58, с. 21].) между элементами конвергенции, а также их отношения с осью и с контекстом [61, с. 198].

Выводы по 3-ей главе

Исходя из семантики элементов, синтаксические конвергенции можно разделить на две группы:

1. Синтаксические конвергенции, элементы которых принадлежат к одному семантическому плану.
2. Синтаксические конвергенции с семантически разноплановыми элементами.

Одновременно по своей основной функцией – многостороннего отражения действительности и концентрации внимания читателя на идее (оси), которая выделяется конвергенцией, - синтаксические конвергенции выполняют в СФЕ и ряд других функций.

Нередко к смысловой функции синтаксической конвергенции в СФЕ присоединяется и эмоционально-экспрессивная. Использование элементов-эпитетов, метафор, синекдохи и т.д. – для создания образно-эмоционального представления о ком-либо или о чём-либо; расположение элементов конвергенции по нарастанию или убыванию; использование стилистических и эмоциональных элементов; подчёркивание, уточнение мысли (идеи) с помощью ряда элементов-синонимов; создание комического эффекта, ритмическая организованность конвергенций – всё это способствует созданию в «одном месте, в рамках синтаксической конвергенции, стилистического эффекта большой художественной силы, то есть в СФЕ происходит схождение в одной точке набора стилистических приёмов и , следовательно, образование стилистических конвергенций [59, с. 37].

Так, параллельные конструкции и повторы следует отнести в СФЕ к стилистическим объединителям. В отличие от семантических объединителей они более выпуклы, их невозможно не заметить. Тем не менее, функция связи между предложениями, которую они выполняют [так же как и в случае с семантическими объединителями] имплицитована. Их нельзя назвать формально-связующими элементами.

Анализ при помощи лексической тематической сетки помогает вскрыть механизм создания этих образов и взаимосвязь всех элементов абзацных ССЕ. Но лексическая тематическая сетка вскрывает только семантические объединители предложений. Наряду с семантическими объединителями существуют и другие объединители – стилистико-синтаксические.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Лексико-грамматический анализ языка (в данном случае - английского) целесообразно проводить в контексте высказывания, охватывающего фрагмент текста от простого и сложного предложения до их объединения соответствующего объема во всевозможных сверхфразовых единствах.

Некоторое семантико-функциональное и структурное сходство СФЕ и сложного предложения подтверждается возможностью трансформации СФЕ в сложное предложение.

Наличие общего у сложного предложения и СФЕ позволяет выделить в составе СФЕ разновидности однородного и неоднородного состава, аналогичные и не аналогичные построения.

Однако, несмотря на наличие определённого сходства, СФЕ полностью не могут отождествляться с соответствующим сложным предложением, ибо совпадение ряда их синтаксических признаков не будет достаточным свидетельством об их безусловном семантико-функциональном тождестве.

СФЕ представляет собой поликоммуникативную единицу, которая обладает своими дифференциальными признаками, проявляемые в специфике структуры СФЕ и ее интонировании. Даже в СФЕ, аналогичных сложному предложению, коммуникативные особенности имеют своим следствием соответствующие семантико-функциональные и структурные различия. В СФЕ налицо, как правило, не один речевой акт, а минимум два со своим замыслом актуализирует той информации, которая передается в макроконтексте.

В плане структурных различий характерной чертой сложного предложения является допустимость неполноты второй предикативной части: здесь может отсутствовать сказуемое, восполняемое из содержания первой предикативной части. В СФЕ же эллипсирование сказуемого семантически восполняется не из содержания первого предложения, а из содержания второго. Это объяснимо отсутствием какой-либо

взаимопроницаемости составных фрагментов СФЕ, их семантической самостоятельностью.

Основным результатом исследования является вывод о том, что количество и качество семантико-функциональных связей между самостоятельными предложениями в СФЕ помогают выявлению характеристики единства, позволяют выделить его в тексте. При этом, поскольку межфразовые связи способствуют определению внутренней организации СФЕ, поскольку можно говорить о том, что употребление связующих средств в различных функциональных стилях будет иметь свои особенности, ибо это соотносимо с многообразием целей их использования. В свою очередь различные цели употребления СФЕ обуславливают различную их концентрацию и объединения, а также взаимодействие с контекстом.

Степень спаянности единства зависит от 1) типа СФЕ, 2) его смысловой цельности [т.е. в СФЕ прослеживается тематическая линия, которая развёртывается соответственно типу СФЕ, и 3) особого ритмического рисунка].

Устойчивость семантико-функциональных связей в СФЕ определяет качество текста. Логическое развитие мысли в повествовании проявляется в логической последовательности расположения компонентов СФЕ и самих СФЕ, которая по-разному выражается различными синтаксическими структурами, определяющими характер связи в единствах.

Особо следует выделить нечленимые СФЕ, представляющие собой единства с ценной или параллельной связью компонентов, характеризующиеся строгим порядком использования компонентов и наличием сегментных показателей связи между ними. Компоненты нечленимых СФЕ обладают меньшей самостоятельностью, и поэтому произвольное их перемещение ведёт к распаду синтаксической структуры СФЕ и к полному изменению логической структуры единства. Этот признак,

характерный вообще для сложных синтаксических единиц, представлен в нечленимых] СФЕ наиболее наглядно.

Выделяются два вида нечленимых СФЕ: первые характеризуются цепной, последовательной связью, а вторые – параллельной.

При цепной связи синтактико-структурная соотнесённость компонентов СФЕ отражает движение, развитие и сцепление мысли, когда одна суждения последовательно соединяются с предыдущим, дополняя и объясняя его, и в то же время даёт начало последующему суждению.

В нечленимых СФЕ с цепной связью каждый последующий компонент связан с предшествующим компонентом сегментными показателями связи, причем данное, или тема, последующего компонента раскрывается через новое, или ремю, предыдущего компонента.

Таким образом, связь между компонентами СФЕ осуществляет развития мысли в единстве с помощью выделения какого – либо члена предшествующего компонента, который получает своё дальнейшее развитие в последующем компоненте. Связь при этом осуществляется одним из видов лексического типа связи [чаще всего как средство организации цепной связи используются повтор и синонимия].

Наличие большего или меньшего количества нечленимых СФЕ с цельной связью [т.е. преобладание определённого типа СФЕ, характеризующихся устойчивой взаимосвязью компонентов] является стилеобразующей чертой и достаточно квалифицирует текст с определённой стороны, а именно, с точки зрения чёткого логического и образного движения мысли.

Наряду с цепной связью нечленимые СФЕ характеризуются связью, которая представляет собой такой характер грамматической связи, когда компоненты СФЕ структурно однотипны. А именно последующие компоненты единства повторяют в той или иной мере структуру первого компонента, не сцепляясь последовательно друг с другом, а сопоставляясь

или же противопоставляясь. Отсюда каждое последующее предложение в таком случае может быть важнее, значительнее, чем предыдущее.

Итак, в нечленимых СФЕ с параллельной связью все компоненты единства представляют собой параллельные конструкции, т.е. структурно соотнесённые самостоятельные предложения с различным лексическим наполнением.

Синтаксический параллелизм в таких случаях часто подкрепляется лексическим параллелизмом, что выражается в использовании анафоры или же эпифоры, а также морфологическим параллелизмом, т.е. когда соотносящиеся части компонентов выражены одинаковыми грамматическими формами.

Помимо повторы [анафоры или эпифоры] в нечленимых СФЕ с параллельной связью используются и другие виды лексического типа связи: синонимия и антонимия, а также вид стилистического типа связи – нарастание. Тем самым подробные СФЕ характеризуются высокой степенью сцепления компонентов.

Следующей разновидностью СФЕ по характеру актуализируемых связей будут своеобразные получленимые единства, для которых показательно более свободное [чем в нечленимых единствах] сочетание компонентов. Это такое сочетание компонентов, когда первый компонент единства является его ядром, а все последующие [периферийные] компоненты СФЕ связаны с первым компонентом и зависят от него. При этом место и функция ядра всегда постоянны и определяют характер связи в СФЕ.

В получленимых СФЕ рема ядра становится темой всех периферийных компонентов в отличие от нечленимых СФЕ, в которых при цепной связи рема первого компонента становится темой второго, а рема второго – темой третьего и т.д., а при параллельной связи тема первого компонента остаётся темой второго, третьего и т.д.

Возможны и членимые СФЕ, которые выделяются частичной параллельной, присоединительной и ситуативной связью и выявляют накопление элементов тематического характера. Им присуща наиболее слабая взаимозависимость компонентов, проявляющаяся в употреблении в основном только экстралингвистических показателей связи, что объясняет наибольшую свободу компонентов в СФЕ.

Прежде всего, выделяются членимые СФЕ с частичной параллельной связью, где не все компоненты единства структурно однотипны: один из них [или даже несколько] выпадает из данной характеристики. При этом регулярно отмечается СФЕ, в которых часть компонентов единства, повторяя структуру первого компонента, представляет собой синтаксически параллельные конструкции, но последний компонент единства, присоединяя вывод и давая тем самым заключение всему ранее сказанному в СФЕ, не является структурно однотипным предыдущим компонентам. В таком случае последний компонент СФЕ непременно выявляет наличие сегментных показателей связи и выступает стержнем СФЕ, поскольку тесно связан с другими компонентами СФЕ.

Несколько реже можно наблюдать явление, когда первый компонент СФЕ параллелен третьему, второй параллелен второму, четвёртому и пятому, а третий компонент шестому. Впрочем, столь сложная система взаимосвязи компонентов единства отмечается спорадически.

Среди членимых СФЕ выделяются и единства с присоединительной связью. В них последний компонент выявляет эффект логического разрыва в СФЕ. Связь этого компонента с остальными компонентами единства имплицитна. Она не выражается сегментными показателями связи, и лишь непереносное наличие союза *and* как бы снижает эффект смыслового разрыва в образной и логической связи СФЕ.

Отдельный разряд членимых СФЕ составляют единства с ситуативной связью. Их отличает соположение компонентов при отсутствии сегментных показателей связи. Исключением здесь будет употребление слов одного

тематического ряда, наличие которых является неотъемлемой чертой членимых СФЕ с ситуативной связью. Компоненты в подобных СФЕ следуют один за другим согласно их протяжённости во временной или же пространственной экстралингвистической ситуации.

Ситуативные членимые СФЕ довольно часто встречаются в стиле художественной литературы. Это объясняется наличием в художественной речи большого количества СФЕ описательного характера.

Возможны и смеженные СФЕ, представляющие собой единства с различной степенью спаянности компонентов и характеризующиеся структурными видами связей: цепной, параллельной и др. Для их более углубленного изучения требуется обследование значительно большего по объёму текстового материала. Однако предварительно можно сказать, что для конкретного функционального стиля характерен свой набор смешанных СФЕ. Причём функциональные особенности стиля оказывают влияние на характер связи в СФЕ.

СФЕ выделяется из текста как цельное образование [синтактико-структурное и синтактико-функциональное] на основании, прежде всего наличия между несколькими последовательно следуемыми друг за другом предложениями определённых смысловых связей.

Кроме того, одним из релевантных условий признания СФЕ особой единицей [языка и речи] является воспроизводимость структурных отношений между предложениями единства. Так, опорное предложение может иметь структурную схему: подлежащее + сказуемое + дополнение и / или обстоятельство, зависимое - : подлежащее + конструктивный элемент сказуемого. Повторяемость подобных структурных отношений в СФЕ есть следствие однотипного характера смысловых связей включенных в него предложений [неполное предложение присоединяется к полному].

Список использованных источников

1. Каримов И.А. Ўзбекистон иқтисодий ислохотларни чуқурлаштириш йўлида. – Тошкент: “Ўзбекистон”, 1995. – 247 - б.
2. Каримов И.А. Баркамол авлод – Ўзбекистон тараққиётининг пойдевори. Ўзбекистон Республикаси Олий Мажлиси IX сессиясида сўзлаган нутқ // Тошкент. М.туп. Т6. 1998. – 312 б.
3. Каримов И.А. Ўзбекистон XXI асрга интилмоқда. Ўзбекистон Республикаси Олий Мажлисининг XIV сессияда сўзлаган нутқ. //Тошкент. М. тўп.
4. Кадрлар тайёрлаш миллий дастури. – Тошкент: «Шарқ», 1997. – 34 – б.
5. Амосова Н.Н. О некоторых типовых конструкциях в английском языке. //Вестник Ленинградского университета. – 1959. – Вып. 2. - №8. – 127 с.
6. Арсланов В.Ш. Актуализация центробежности и центростремительности глагольно–именных конструкций типа to have a smoke в английском языке: Автореф...дис.канд.филол. наук. – М., 2013. – 21с.
7. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. – М.: «Наука», 2006. – 383 с.
8. Базылева Р.М. Словосочетание в его отношении к актуальному членению предложения: Автореф. ...канд.филол.наук. – Саратов, 1988. – 17с.
9. Бархударов Л.С., Штелинг Д.А. Грамматика английского языка. – М.: «Высшая школа», 1973. – 423 с.
10. Блох М.Я. Теоретическая грамматика английского языка: Учебник. -2-е изд., перераб. – М.: «Высшая школа», 1994.- 1994. 381 с.
11. Богданов В.В. Семантико-синтаксическая организация предложения. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1977. – 204 с.
12. Валентность // Энциклопедия «Кругосвет»
<http://www.krugosvet.ru/articles/76/1007637/1007637/1007637a1.htm>

13. Вардуть П.Ф. К вопросу о явлении эллипсиса //Инвариантные синтаксические значения и структура предложения// Доклады на конференции по теоретическим проблемам синтаксиса. – М.: «Наука», 1969. – с. 59-70.

14. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. –М.: Языки русской культуры, 1999. – 654с.

15. Гак В.Г. Десемантизация языкового знака в аналитических структурах синтаксиса //Аналитические конструкции в языках различных типов. – М.- Л., 1965. – с. 129-142.

16. Гак В.Г. К проблеме синтаксической семантики: Семантическая интерпретация «глубинных» и «поверхностных» структур //Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. – М.: «Наука», 1969. – с. 77-85.

17. Гак В.Г. Номинализация сказуемого и устранение субъекта //Синтаксис и стилистика – М.: Наука, с. 85-102.

18. Гак В.Г. Языковые преобразования. – М.: Школа «Языки рус. культуры»: Кошелев, 1998. – 763 с.

19. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 2000.- 397с.

20. Гухман М.М. Глагольные аналитические конструкции как особый тип сочетаний частичного и полного слова //Вопросы грамматического строя английского языка. – М., 1955. – с. 322 – 361.

21. Долинина И.Б. Глагольная множественность: содержательные типы //Типология и грамматика. – М.: Наука, 2013. – с.141-151.

22. Дополнение // Энциклопедия «Кругозвет»
<http://www.krugosvet.ru/articles/92/1009215a1.htm>

23. Есперсен О. Философия грамматики. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. 404 с.

24. Еремеева Н.И. Типовые глагольно-субстантивные словосочетания в современном английском языке //Словосочетания в германских языках.

Сборник научных трудов. – Л.: Ленинградский государственный педагогический институт им. А.И.Герцена, 1973. – с.4 – 103.

25. Иванова И.П. Вид и время в современном английском языке. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1961. – 198с.

26. Иванова И.П., Бурлакова В.В., Почепцов Г.Г., Теоретическая грамматика современного английского языка. – М.: Высшая школа, 1981. – 285 с.

27. Ильиш Б.А. Современный английский язык: Теор. Курс для высш. учеб. завед. Изд 2-е, исп. и доп. – М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1948. – 348 с.

28. Ильиш Б.А. Строй современного английского языка. Учебник по курсу теоретической грамматики для студентов педагогических институтов (на английском языке). – Л.: Просвещение, 1971. – 366с.

29. Карась А.Г. Словосочетания с глаголом to give в английском языке //Вопросы германской филологии. – Вып. 1. – Иркутск: Изд-во Иркутского государственного педагогического института иностранных языков, 1968. – с.100-108.

30. Карташкова Ф.И.Косвенная номинация в аспекте мыслительно-языковой деятельности. – Иваново: Изд-во Ивановского университета, 2003. – 120 с.

31. Касевич В.Б. Семантика. Синтаксис. Морфология.- М.: Наука, 1988. – 311 с.

32. Канцельсон С.Д. К понятию типов валентности //Вопросы языкознания. – 1987. №3. – с.20-33.

33. Канцельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. – Л.: Наука, 1972. – 216с.

34. Кибрик А.Е. Современные синтаксические теории в американской лингвистике /Сост., общая редакция и вступит статья А.Е.Кибрика. – М.: Прогресс, 1982. – с.5-36.

35. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика: Учебник. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.

36. Комарова А.М. К вопросу о категориальной специфике семантики абстрактных существительных и словосочетаний с ними //Сочетаемость речевая репрезентация речевых единиц. – Новосибирск: Наука, 2003.- с. 12-19.

37. Комарова О.А. О функционально-семантической категории аспектуальности в английском языке //Спорные вопросы английской грамматики / Отв. ред. В.В. Бурлакова. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1988. – с.40-53.

38. Кошечкина И.Г. Теоретическая грамматика английского языка: Учеб. пособие для студентов пед.ин-тов по спец.№2103 «Иностр.яз». – М.:Просвещение, 1982.-336с.

39. Кошечкина И.Г. Типологические структуры языка. Сфера видовременных значений. Киев: Изд-во Киевского университета, 1972. – 234 с.

40. Кошечкина И.Г., Дубовский Ю.А. Сравнительная типология английского и русского языков. – Минск: Вышэйная школа, 1980.- 270 с.

41. Крушельницкая К.Г. Коммуникативное задание предложения и способы его выражения: Учебное пособие по сопоставительной грамматике. – М., 1978. – 125с.

42. Крушельницкая К.Г. О синтаксической природе «актуального членения предложения» //Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. Доклады на конференции по теоретическим проблемам синтаксиса. – М.: Наука, 1969. – с. 96-103.

43. Кубрякова Е.С. Категоризация мира: пространство и время: Материалы науч. конф. – М., 1997. – с. 3-13

44. Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности // АН ин-т языкознания/ Отв.ред Б.А.Серебренников. – М.: Наука, 1986. – 156 с.

45. Кубрякова Е.С. Части речи в ономаσιологическом освещении. – М.: Наука, 2008. – 115 с.
46. Курилович Е. Деривация лексическая и деривация синтаксическая //Очерки по лингвистике. Сборник статей/Под общей ред. В.А.Звегинцева. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1962. с.57-71.
47. Кустова Г.И. Когнитивные модели в семантической деривации и система производных значений //Вопросы языкознания. – 2000. №4. – с.85-109.
48. Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов //Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. – М.: Прогресс, 1988. –с.12-51.
49. Левицкий Ю.А. Основы теории синтаксиса: Учебное пособие по спецкурсу. Изд. 2-е, стереотипное. М.: Едиториал УРСС, 2002. – 236 с.
50. Локштанова Л.М. О валентности глагола в современных лингвистических исследованиях //ИЯШ. – М.:, 1971. - №1. –с. 21-31.
51. Макович Г.В. К построению типологии субъектов действия //Ш Житниковское чтения. – Ч.1. – Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 1999. – с. 52-58
52. Макович Г.В. Место описательных предикатов в системе языка и методы их изучения //Вестник МГУ. – Серия 9. Филология. - 1998. №1. – с. 162-171
53. Малащенко В.П., Малащенко М.В. И все-таки они существуют! (К проблеме детерминирующих членов предложения)//Филологический вестник Ростовского государственного университета. - №1 (20). – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 2004. – с.5-19.
54. Матезиус В. О так называемом актуальном членении предложения //Пражский лингвистический кружок /Под ред. Н.А.Кондрашова. – М.: Прогресс, 1967а. – с.239-245.
55. Медведева О.А. Ономаσιологический аспект моделирования семантики глагольно-именных словосочетаний в современном английском языке: Автореф.дисс...канд.филол.наук. – М.,1987. – 19с.

56. Мерещякова М.П. Сочетания типа to make a mistake с точки зрения их синтаксического использования в предложении //Вопросы романно-германской филологии и методики преподавания иностранных языков.- Свердловск, 1967. – с. 80-87.

57. Мова В.И. Конструкция типа to give a laugh в современном английском языке: Автореф...канд.филол. наук. – М., 1965. – 19с.

58. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения. – М.: Высшая школа, 1988. – 168 с.

59. Николаева Т.М. О функциональных категориях линейной грамматики //Синтаксис текста. – М.: Наука, 1979. – с.37-48.

60. Николаева Т.М. Семантика акцентного выделения. М.: Наука, 1982.- 103с.

61. Нильссон Б. Девербативы и коммуникативная организация текста //Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста /Сборник статей, посвященный юбилею Г.А.Золотовой. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – с.198-211.

62. Объект // Энциклопедия «Кругосвет»
<http://www.krugosvet.ru/articles/92/1009215a1.htm>

63. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 7-е.-М.: Учпедгиз, 1956. – 511 с.

64. Потеня А.А. Из записок по русской грамматике. – Т. IV. – Вып. 2. Глагол. – М.: Просвещение, 1977. – 406с.

65. Селиверстова О.Н. К вопросу о коммуникативной структуре предложения //Известия АН. Сер.лит. и яз, 1984.- Т.43.- № 5.- с. 443-456.

66. Скобликова Е.С. Очерки по теории словосочетания и предложения. Куйбышев: Изд-во Саратовского университета, Куйбышевский филиал, 1990. – 141 с.

67. Слюсарева Н.А. Проблемы функционального синтаксиса современного английского языка. – М.: Просвещение, 1981. – 206с.

68. Смирницкий А.И. Синтаксис английского языка. – М.: Изд-во литературы на ин.яз, 1957. – 286с.
69. Степанов Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 312 с.
70. Степанов Ю.С. Основы общего языкознания: Для филол. специальн. пед.ин-тов. Изд. 2-е, перераб. – М.: Просвещение, 1975. – 271с.
71. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса: Пер. с франц. редкол.: Г.В.Степанов (пред) и др./Вступ.ст. и общ.ред В.Г.Гака. – М.: Прогресс, 1988. – 656 с.
72. Теория грамматического значения и аспектологические исследования /Отв.ред. А.В.Бондарко. – Л.: Наука, 1984. – 279с.
73. Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / Отв.ред. А.В.Бондарко. – М.: Едиториал УРСС, 1987. – 348с.
74. Теория функциональной грамматики: Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определённость /неопределённость/ Отв. ред. А.В. Бондарко. – СПб.: Наука, 1992.- 304с.
75. Типология итеративных конструкций. – Л.: Наука, 1989. – 311с.
76. Труевцева О.Н. Английский язык: особенности номинации. – Л.: Наука, 1986. – 248с.
77. Филиппенко М.В. Об иерархии аспектуальных характеристик в высказывании (к анализу адвербиалов – определителей «процесса») //Вопросы языкознания. – 1997. - № 5. – с.121-134.
78. Фортунатов Ф.Ф. Избранные труды. – Т.1. – М., 1956. – 450с.
79. Холодович А.А. Проблемы грамматической теории. – Л.: Наука, 1979. – 304 с.
80. Чейф У. Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топики и точка зрения //Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XI. – М.: Прогресс, 1982. – с.277-355.

81. Шаламов Ю.В. О так называемых явлениях в системе английского глагола //Вопросы германской филологии. – Вып. 1. – Иркутск: Изд-во Иркутского государственного педагогического института иностранных языков, 1968. – с.75-82.

82. Шаламов Ю.В. О месте конструкции типа take a look в системе современного английского языка: Автореф. ...канд.филол.наук. – М.,1968. - 23 с.

83. Шведова В.С. Пути грамматизации описательных конструкций типа «глагол + существительное» в английском языке: Автореф. ...канд. филол. наук. – М., 1981. – 159с.

84. Шишкина Т.А. Интерпретационный потенциал номинативной модели //Наука. Университет. 2001// Материалы второй научной конференции. – Новосибирск, 2001. – с.42-45.

85. Ярцева В.Н. Констрастивная грамматика. – М.: Наука, 1981. – 111с.

86. Chafe W.L. Meaning and the structure of language. – Chicago and London: The University of Chicago Press, 2009. – 360p.

87. Comrie B. Language Universals and Linguistic Typology: Syntax and Morphology/ 2-d edition.- Oxford: Basil Blackwell, 2012. – 264p.

88. Halliday M.A.K. An Introduction to Functional Grammar. – London: Edward Arnold, 2005. 387 p.

Тексты

I. Aldridge J. Sea Eagle. – London: Pan, 2007. – 374 p.

II. Bronte Ch. Shirley. – London: Tran world, 2001. – 380 p.

III. Christie A. Dumb Witness. London: Pan, 2009. – 309 p.

IV. Dickens Ch. The Posthumous Papers of the Pickwick Club. – London: Dent, 2001. – 448 p.

V. Maugham S. The Painted Viel. – London: Dent, 2010. – 329 p.

Словари

1. Гальперин И. Р. Большой англо-русский словарь. Т. I, II. – М.: СЭ, 2012. – 1685 с.
2. Collins Dictionary of the English Language. – London; Glasgow, 2009. – 1690p. (CDE).
3. Hornby A.S. e.a. The Advanced Learner's Dictionary of Current English by A.S.Hornby, E.V.Gotenby, H.Wakefield. –London: Oxford University Press, 2007. – 1600 p.
4. Hornby A.S. Oxford Students Dictionary of Current English. –Moscow: Prosveshenie; Oxford University Press, 2004. – 769p.
5. Hornby A.S. e.a. The Advanced Learners Dictionary of Current English. –London: OUP, 2011. – 947p. (ALD).
6. Longman. Active Study Dictionary of English. – Harlow; Longman Group Limited, 1988. -707p.
7. Ong Y.F., Yang Y.I. A Complete Dictionary of English Phrases. Shanghai: Commercial Press Ltd., 1986. – 1520p.
8. Oxford Learner's Dictionary of Current English A.S.Hornby. – London: Oxford University Press, 1998. -880p. (ALD).
9. Partridge E.A. Dictionary of Catch Phrases: American and British from the Sixteenth Century to the Present Day / Ed. By Beale P. – N.Y.: Stein a Day, 1986. – XXV, 384p. (DCPh).
10. The Oxford English Dictionary. A New English Dictionary on Historical Principles. Oxford: The Clarendon Press, 2003. – 1724p.[NED].